

ТОМАС МАЙЕР

МАСТЕРА СЕКСА

ЖИЗНЬ И ЭПОХА УИЛЬЯМА МАСТЕРСА
И ВИРДЖИНИИ ДЖОНСОН — ПАРЫ,
КОТОРАЯ УЧИЛА АМЕРИКУ ЛЮБИТЬ

ПО МОТИВАМ
КНИГИ СНЯТ
ОДНОИМЕННЫЙ
СЕРИАЛ

*«Настоящая бомба... Книга о самом
провокационном исследовании столетия».*

NEW YORK TIMES BOOK REVIEW

Томас Майер

**Мастера секса. Жизнь и
эпоха Уильяма Мастерса и
Вирджинии Джонсон – пары,
которая учила Америку любить**

«ЭКСМО»

2009

Майер Т.

Мастера секса. Жизнь и эпоха Уильяма Мастерса и Вирджинии Джонсон – пары, которая учила Америку любить / Т. Майер — «Эксмо», 2009

1957 год, сексуальная революция еще не захлестнула Америку, до съемок «Секса в большом городе» 40 лет: врач-гинеколог Уильям Мастерс и его ассистент Вирджиния Джонсон начинают захватывающее исследование супружеской любви. Наблюдая сексуальные реакции более 700 мужчин и женщин, они впервые в истории изучают процесс возбуждения и тонкости половой стимуляции. В своей книге Томас Майер подробно описывает личную жизнь и историю исследований Мастерса и Джонсон, удивительных ученых, научивших Америку любить. По книге снят одноименный сериал Showtime с Майклом Шином и Лиззи Каплан в главных ролях.

© Майер Т., 2009

© Эксмо, 2009

Содержание

Предисловие	8
Фаза первая	9
Глава первая	10
Глава вторая	15
Глава третья	18
Глава четвертая	22
Глава пятая	26
Глава шестая	30
Глава седьмая	34
Глава восьмая	37
Глава девятая	40
Фаза вторая	43
Глава десятая	44
Глава одиннадцатая	47
Глава двенадцатая	50
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Томас Майер

Мастера секса. Жизнь и эпоха Уильяма Мастерса и Вирджинии Джонсон – пары, которая учила Америку любить

«Настоящая бомба... Шокирующее откровение».
NEW YORK TIMES BOOK REVIEW

*Лучшая научно-популярная книга 2009 года по версии *Chicago Tribune**

Отзывы о книге «Мастера секса»

«Рассказано обстоятельно и с любовью... Майер пишет бойко и весело».
New York Times

«Познавательная биографическая книга Майера открывает нам историю пары, которая начала «научную сексуальную революцию».
Discover

«Захватывающе... «Мастера секса» непременно нужно прочитать этой весной всем, кто хочет пережить первые головокружительные дни «сексуальной революции»».
The American Prospect

«Отмеченный наградами Майер в своей биографии впервые показывает нам двух выдающихся людей, которые революционизировали изучение человеческой сексуальной реакции. Эта книга порадует и ученых, и любителей – «секс-экспертов».
Library Journal

«Замечательно написанная, захватывающая книга об удивительной паре».
Booklist

«Мастера секса» из-за своей «горячей» темы могут показаться некоторым читателям слишком натуралистичной книгой для биографии. Но эта волнующая история о сексе и науке в теории и практике – скорее, познавательная, чем эротическая».
The Oprah Magazine

Создание увлекательной, но серьезной биографии Мастерса и Джонсон – непростая задача. У любого писателя возникло бы естественное побуждение отказаться от тщательного разбора личностей и их страстей, подменив его поверхностным «наскоком». Майер не поддается этому импульсу. Это книга о героизме и слабостях, о двух людях, которые посвятили свою жизнь изучению

доброй половины того, что мы считаем общеизвестными знаниями о хорошо знакомом нам предмете».

The Buffalo News («Editor's Choice»)

«Мастера секса» – потрясающая книга о замечательных супругах, которые дали старт «сексуальной революции». Это больше, чем биография – это интимная история о сексе в двадцатом столетии».

Дебби Энпгейт, лауреат Пулитцеровской премии 2007 г. за книгу «Самый знаменитый человек Америки. Биография Генри Уорда Бичера» (The Most Famous Man in America: The Biography of Henry Ward Beecher)

«Томас Майер написал именно такую интимную и увлекательную биографию, какую заслуживают Мастерс и Джонсон. Критики часто обвиняли эту пару в том, что их исследования «обесчеловечивают» секс – лишают его таинственности. Но, как сказала Джини Джонсон репортеру журнала «Плейбой» в 1968 г., тайна – это просто другое наименование предрассудков и мифов. Чем больше мы знаем о физиологии возбуждения, тем сильнее способны наслаждаться уникальным даром – сексом ради удовольствия. Мастерс и Джонсон продемонстрировали в своих исследованиях потрясающее мужество».

Хью Хефнер, главный редактор журнала Playboy

«Ни один романист не сумел бы выдумать более захватывающий сюжет, чем подлинная история жизни Уильяма Мастерса и Вирджинии Джонсон, супругов-экспертов, дававших Америке советы о сексе и любви. Благодаря проницательности репортера и литературному таланту Томас Майер сумел описать необыкновенные отношения между этими мужчиной и женщиной – исследователями секса, и их наследие, которое преобразило жизнь супружеских пар».

Рут Вестхаймер

«Сюжет этой книги – секс и любовь – наверняка заинтересует почти всех. Но этого мало: Томас Майер – очень тонкий писатель, талантливый биограф и проницательный репортер. Если вы в этом году прочтете только одну биографию, пусть это будет первая в истории книга о тайной жизни Мастерса и Джонсон».

Нельсон Демиль, автор бестселлеров «Золотой берег» (The Gold Coast) и «Сторожка» (The Gate House)

«Хорошо написанный и глубокий рассказ о Мастерсе и Джонсон, которые, вероятно, знали о сексе и супружеской любви больше, чем любая другая пара в Америке».

Гай Тализ, автор книг «Жена ближнего твоего» (Thy Neighbor's Wife) и «Жизнь писателя» (A Writer's Life)

«Трудно представить себе исследователя или серьезного ученого в сфере сексуальности, который не выиграл бы от прочтения этой книги. Информация, раскрытая в «Мастерах секса», никогда прежде не публиковалась. Помимо

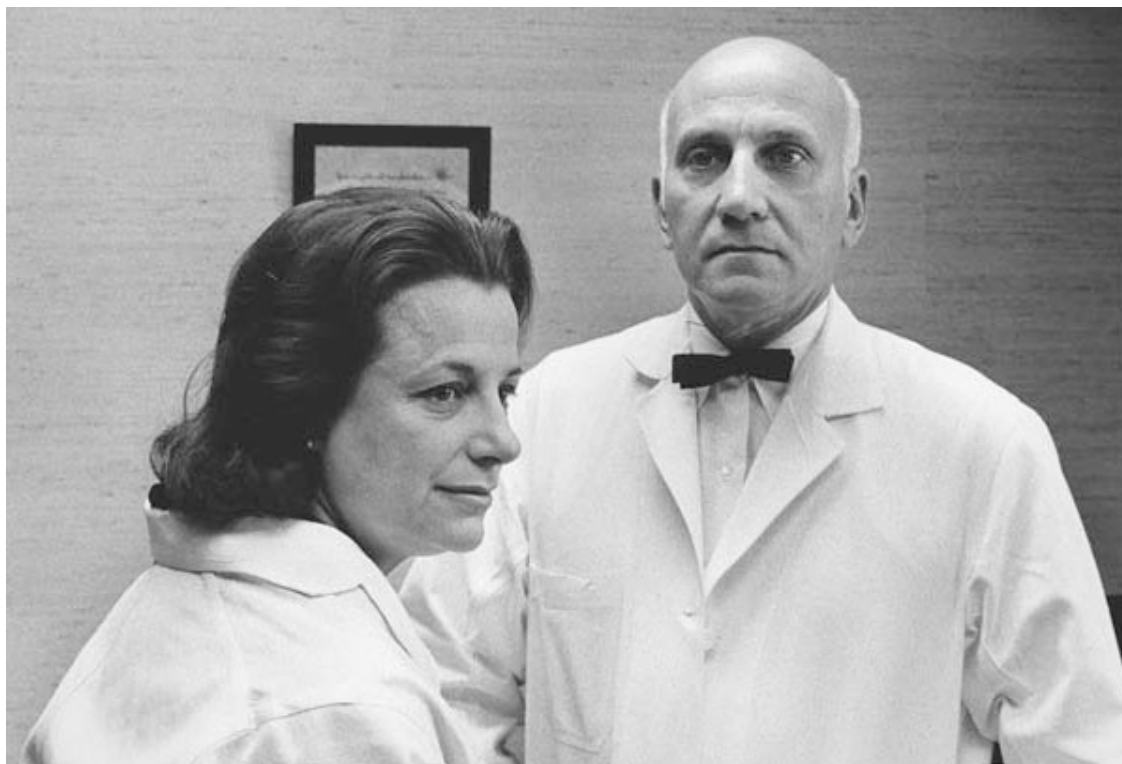
того, что эта книга вносит реальный вклад в историю науки, она является захватывающим чтением!»

Пеппер Шварц, бывший президент Общества научного изучения сексуальности и автор книги «Во цвете лет: приключения и советы о сексе, любви и чувственности» (Prime: Adventures and Advice About Sex, Love and the Sensual Years)

Посвящается моим крестным, Джун и Уильяму Андервудам

«Глубочайшее из всех наших чувств – чувство истины».

Д. Г. Лоуренс

Уильям Мастерс и Вирджиния Джонсон

Предисловие

*«Что это за штука, которую зовут любовью?»
Коул Портер*

Секс во всех его чудесных проявлениях был неотъемлемой частью американского жизненного опыта в четырех написанных мною биографиях – Сая Ньюхауса, Бенджамина Спока, семейства Кеннеди, а теперь и Мастерса с Джонсон. Как однажды сказал мне с обезоруживающей откровенностью доктор Спок, автор бестселлеров и эксперт, воспитавший американское поколение бэби-бумеров, *«Все на свете связано с сексом!»*. Действительно, в своем наиболее могущественном и трансцендентном аспекте секс – это развитие биологических видов, источник происхождения самоидентичности и наиболее интимная форма отношений между взрослыми.

История Уильяма Мастерса и Вирджинии Джонсон как, пожалуй, никакая другая история связана с вечными тайнами секса и любви. Их общественная жизнь открывает для нас окно в американскую «сексуальную революцию» и ее исторические культурные перемены, которые остаются с нами и по сей день. А личные отношения этой пары отражают распространенные страсти, конфликты и противоречия между мужчинами и женщинами.

Я впервые беседовал с доктором Мастерсом, когда в декабре 1994 года он отошел от дел. У него уже проявлялись симптомы болезни Паркинсона, которая впоследствии привела к смерти, настигшей его в 2001 году. В 2005 году я договорился о сотрудничестве с Вирджинией Джонсон. Мы провели в беседах много часов, и я довольно долго гостил в ее доме в Сент-Луисе. «Мы были двумя самыми скрытными людьми, каких носила на себе земля», – призналась мне Джонсон, и это несмотря на их всемирную славу. «На свете нет человека, который хорошо бы нас знал».

Долгие годы работу Мастерса и Джонсон скрывала завеса строгой конфиденциальности. Они сами стремились избежать докучливых взглядов публики. Только сейчас – благодаря согласию многих людей давать интервью и предоставить доступ к своим письмам, внутренней документации и неопубликованным мемуарам Мастерса – мы можем полностью оценить замечательную жизнь этих двух выдающихся ученых и их эпоху. Несмотря на огромный объем научных знаний, полученных ими в ходе величайшего эксперимента в истории Америки (в нем участвовали сотни женщин и мужчин и наблюдалось более 10 000 оргазмов), их история относится к неуловимым и неопределяемым аспектам человеческой близости. И по сей день множество людей задаются вопросом: *«Что это за штука, которую зовут любовью?»*

*Т.М.
Лонг-Айленд, Нью-Йорк
Апрель 2009 г.*

Фаза первая

Джини в юности

#

Глава первая

Девушка из Золотого города

«Это часто начинается в припаркованной машине. Спешка, стремление «довести дело до конца», неудобное заднее сиденье едва ли оставляют возможность для раскрытия индивидуальности».

Уильям Мастерс

Два луча указывали путь во тьме. Пронзительный свет фар «плимута» пробивал неподатливую черноту сельской миссурийской глубинки. Машина, которая везла Мэри Вирджинию Эшельман и ее бойфренда-одноклассника Гордона Гарретта, медленно катила по трассе 160, широкой асфальтированной дороге без фонарей. Вечернее небо освещали только звезды и луна.

Для свидания с Мэри Вирджинией Гордон позаимствовал семейную машину Гарреттов – зеленый седан 1941 года с сияющей хромированной решеткой, выпуклым рисунком на капоте, «мускулистыми» крыльями и широким задним сиденьем. Они ехали мимо рядов фермерских усадеб и полей, нарезанных в поросшей высокими травами прерии.

В тот вечер они были с друзьями в «Паласе» – единственном городском кинотеатре, где мелодии и танцы голливудских мюзиклов на короткое время спасали их от скуки Голден-Сити. Журналы кинохроники давали ребятам представление о существовании иного, большего мира за пределами их крохотного городка с населением в восемь сотен душ. Приютившийся на границе горного плато Озарк Голден-Сити казался ближе к деревенской Оклахоме, чем к большому городу Сент-Луису – как по расстоянию, так и по агрессивному протестантскому духу.

Гордон свернул с дороги и приглушил свет фар. Шум шин, громко хрустевших по гравию, смолк, сменившись пронзительной тишиной. Они припарковались в уединенном местечке, где их не смогли бы застукать.

Сидя на переднем сиденье машины, Гордон расстегнул блузку подруги, ослабил застежку на юбке и прижался к телу девушки. Она не шевелилась и не сопротивлялась, только изумленно уставилась на него. Мэри Вирджиния никогда раньше не видела пениса – если не считать тех моментов, когда мать меняла ее маленькому братцу подгузник. В тот вечер, вскоре после своего пятнадцатого дня рождения, Мэри Вирджиния Эшельман – которую мир впоследствии узнал под именем Вирджиния Джонсон – приобщилась к таинствам человеческой близости. «Я не знала ничего и ни о чем», – призналась потом женщина, чьему историческому партнерству с доктором Уильямом Мастерсом предстояло стать синонимом секса и любви в Америке.

В своей пуританской семье, воспитанной в традициях Среднего Запада, Мэри Вирджиния усвоила, что секс греховен. Он не имел ничего общего с захватывающими дух сказками о придуманной любви, которые она с жадностью впитывала, смотря кинофильмы, снятые до Второй мировой войны. Годы спустя она называла Гордона Гарретта «парнишкой с огненно-рыжими волосами». Как признавалась Вирджиния через много лет, она «ни разу не вышла замуж за мужчину, которого по-настоящему любила». Но она никогда не забывала ни Гордона Гарретта, ни того вечера за окраиной Голден-Сити, когда два подростка лишились невинности.

Юные влюбленные обнимались на переднем сиденье, потом перебрались на заднее. Тяжелое горячее дыхание туманило стекла. Автомобиль – явление все еще новое для такого захолустья как Голден-Сити – обеспечивал им относительное уединение. Гордон поставил машину на ручник, чтобы машина не покатила под горку, пока их внимание занято совсем другими вещами.

В старших классах Мэри Вирджиния делила с Гордоном многие моменты взросления. Этот высокий парень с крепким телосложением типичного фермерского сына играл в школьной футбольной команде, но с пониманием относился к более утонченному интересу Мэри Вирджинии – музыке. Весь выпускной класс они были постоянной парой, их все время видели вместе. Гордон был ее *beau*¹.

Перескочив экстерном через два класса, Мэри Вирджиния оказалась значительно младше своих одноклассников, включая и рыжеволосого сына Гарреттов, которому уже исполнилось семнадцать. Ей хотелось нравиться. У нее были светло-каштановые волосы, завитые крутыми кудряшками, чувственный взгляд серо-голубых глаз и слегка поджатые в притворной скромности губы. На лице ее обыкновенно играла загадочная усмешка в духе Моны Лизы, которая могла внезапно смениться неотразимой улыбкой. Как и остальных Эшельманов, ее отличали особенный рисунок высоких скул, гордая осанка и идеально развернутые плечи. При гибкой, как ива, фигурке у Мэри Вирджинии уже угадывалась грудь зрелой девушки, хотя некоторые парни смотрели на нее с пренебрежением. «Это была длинная, худая, плоскогрудая девчонка, – вспоминал Фил Лоллар, живший неподалеку от фермы Эшельманов. – Девчонка с самой обычной внешностью, ничего особенного».

Но большинство подростков Голден-Сити восхищались чувством стиля Мэри Вирджинии – в таком захолустье это было большой редкостью. В тесном мирке маленького городка она разговаривала, одевалась и вела себя, как юная леди. Даже друзья из выпускного класса Голден-Сити 1941 года не догадывались о ее юном возрасте. Самой запоминающейся ее чертой был голос – пленительный инструмент с гибкими интонациями, развитым пением. Старшая сестра Гордона Изабель, говорила, что одежда Мэри Вирджинии никогда не выглядела неряшливой или поношенной – как у некоторых фермерских детей во время мучений Пыльного котла 1930-х годов.² Подружка ее брата «всегда оставалась чистенькой и аккуратной и выглядела женственно».

Гордону казалось достойным катать такую девушку на папином новом «плимуте». Это средство передвижения было лучшим подобием королевского экипажа, какое он мог добыть для своей «принцессы прерий». В отличие от других детей эпохи Великой депрессии, Мэри Вирджиния всегда вела себя так, будто была совершенно уверена в своем завтрашнем дне, – вероятно, потому, что ее мать Эдна Эшельман не потерпела бы иного. «Думаю, она очень нравилась Гордону, – вспоминала другая его сестра Кэролин. – Ее мать была из тех, для кого даже лучшее не слишком хорошо, и Мэри Вирджиния пошла в нее».

Сестры Гарретт считали Мэри Вирджинию хорошей девушкой. Такую их брат мог бы пригласить на выпускной бал и когда-нибудь на ней жениться. Им, конечно, и в голову не приходило, что она способна резвиться на заднем сиденье семейной машины.

Мэри Вирджиния рано усвоила все лицемерие жизни юных американок. Она знала, что и когда говорить, какие обычаи соблюдать; видела бесчестность ревнителей нравственности и фундаменталистов, отстаивавших традиционную женскую долю. Но она была полна решимости оставаться независимой и принимать жизнь лишь на своих условиях, что бы ни сказала ее мать или кто-то другой. Она честно играла роль «хорошей девочки» в школе и в семье, хотя в душе знала, что она не такая.

Лишение девственности не было для Мэри Вирджинии насильственным, грязным или постыдным. Все закончилось в считанные минуты. Секс показался ей довольно приятным, хотя и непривычным по ощущениям. Какой уж тут оргазм, сексуальное мастерство или взаимное

¹ *Beau* (франц.) – поклонник, кавалер.

² Пыльный котёл, Пыльная чаша (англ. Dust Bowl) – серия пыльных бурь, происходивших в прериях США и Канады между 1930 и 1936 годами.

удовлетворение! – предмет ее научных исследований совместно с Мастерсом. В тот момент ничего этого и близко не было в ее мыслях. Она доверилась своему бойфренду, полагая, что он знает, что делает. Лишь позднее она поняла, что, вероятно, для Гордона это тоже был первый опыт.

«Все происходило очень естественно, – рассказывала она с легкой ноткой сожаления и улыбкой, – и наверняка шокировало бы мою мать до смерти».

Многое в жизни Мэри Вирджинии происходило благодаря случаю, даже переезд ее семьи в Голден-Сити. Ее отец Гершель Эшельман, которого все звали средним именем – Гарри, – вместе с женой Эдной жил в Спрингфилде, когда 11 февраля 1925 года появилась на свет их дочь. Родители Гарри были мормонами из соседнего округа Кристиан, хотя ни сам он, ни его жена особой религиозностью не отличались. Эшельманы происходили от гессенских наемников: его предки были привезены в США во время революционной войны. В Первую мировую войну сержант Гарри Эшельман на всю жизнь насмотрелся крови и смертей во Франции, где был ранен его младший брат Том.

После войны 29-летний Эшельман вернулся в юго-западный Миссури, мечтая о простой жизни для себя и своей невесты Эдны Эванс. Однако новоиспеченная миссис Эшельман дала мужу понять, что не удовлетворится его скромными планами.

Гарри хватало собственного клочка земли и обожаемого ребенка. Для него не было нерешаемых задач – от строительства дома до дочкиных домашних заданий по алгебре. Как бывший кавалерист, он хорошо разбирался в лошадях и позволял своей девочке ездить на жеребцах-першеронах по заднему двору. «Мать кричала на него: «Приглядывай за ребенком!», а он только улыбался, махал ей рукой и подсаживал меня на коня», – вспоминала Вирджиния. Гарри учил дочку гладить утюгом плиссированную юбочку и мастерить из картона «деревянные» башмаки для школьного концерта. «Не было ничего такого, чего не мог бы сделать этот человек!» – говорила она.

Когда Мэри Вирджинии исполнилось пять лет, родители решили уехать из юго-западного Миссури, где уже ощущалась хватка Великой депрессии. В Пало-Альто, Калифорния, Гарри нашел работу смотрителя за роскошными оранжереями и садами правительственного госпиталя, где ухаживали за ранеными солдатами. Зачисленная в прогрессивную школу с собственным детским садом, девочка преуспевала в учебе. Хорошо подвешенный язык и быстрый ум позволили ей к двенадцати годам окончить восьмой класс.

Беглецам с засушливых равнин Миссури госпитальный кампус, должно быть, казался чем-то вроде Эдема – райским садом, который должен был укрыть их от наступления Великой депрессии. Вместо серых пыльных туч, заволакивающих небеса, они теперь любовались первобытным величием Тихого океана. Однажды во время какого-то праздника, вспоминала Вирджиния, отец вышел на пляж в костюме и соломенной шляпе. «Я была тогда совсем крохой, играла в прибое, – описывала она. – Меня подхватила накатившая волна». Гарри Эшельман, не раздеваясь, бросился за дочкой и стал героем в ее глазах.

Эдна скоро пресытилась Калифорнией. Изначально это была ее идея – уехать в «Золотой штат». Но вскоре она стала тосковать по родным краям, да и работа мужа ее разочаровала. Гарри не стал с ней спорить. Он связался со своим отцом, который по-прежнему жил в округе Кристиан, и тот помог ему найти новую ферму примерно в 50 милях к западу от Спрингфилда. Супруги Эшельманы с маленькой дочерью вернулись в Миссури, в еще более безнадежное место, чем то, с которого начинались их странствия.

Голден-Сити гордо именовал себя «сенной столицей прерий», но для молодежи, мечтавшей о чем-то большем, он был местом, откуда следовало убираться подобру-поздорову, – вспоминал Лоуэлл Пу, один из сверстников Мэри Вирджинии, который дослужился до дирек-

тора похоронного бюро. У таких девушек как она, было два варианта: выйти замуж или бежать из этого города.

Верховодила в семье мать. Представления Эдны о женственности заставляли дочь соответствовать «золотому стандарту». Она принимала эти правила в присутствии матери – и восставала против них вдали от материнского взора.

Эдна, казалось, негласно соревновалась со всеми окружающими. Мало что в ее семейной жизни вышло так, как она надеялась. Увязнув в трясине Голден-Сити, она стремилась стать хозяйкой своего мира и передать свои уроки дочери. «Я выросла с представлением о том, что успехи и таланты – это хорошо, но главная цель – удачное замужество», – вспоминала Вирджиния. Миссис Эшельман настаивала, чтобы жители городка, обращаясь к ее дочери, называли ее обоими именами – Мэри Вирджиния. Естественно, в запале подросткового бунтарства девочка велела друзьям называть себя просто Вирджинией.

Мать стремилась к утонченности, брала для дочери уроки фортепиано и пения, учила ее быть умелой портнихой и поварихой. Когда муж бывал в отъезде, Эдна демонстрировала, что ей по плечу и роль мужчины. «Во время сбора урожая мама – крохотная, тоненькая – выходила в поля и водила трактор, – вспоминала Вирджиния. – Если нужно было, она могла делать почти все».

Живя на ферме в пяти милях от центра этого пыльного поселка – какой уж там Золотой город! – Мэри Вирджиния отчаянно жаждала внимания и светской жизни. Грушевое дерево на задах фермы стало ее читальным залом; забираясь на него, она перелистывала Библию или читала романы, припрятанные от матери, мечтая о недостижимом большом мире. «У меня не было товарищей по играм, – вспоминала она. – И я просто читала людей. Мне всегда хотелось узнать, на что похожа их жизнь. Когда родственники и другие взрослые навещали нас, я просила: «Расскажите, как вы были маленькими». Я любила слушать истории о жизни других людей – наверное, потому, что мне, единственному ребенку, было одиноко».

Однажды летом Мэри Вирджиния на неделю поехала в гости к старшей сестре Эдны, которая разрешила племяннице облазить всю свою просторную квартиру. Заглянув в какой-то ящик, она обнаружила там личные вещи тетушки, в том числе стопку писем, написанных мужчиной. По семейному преданию, ее тетя, которой в момент визита племянницы было за сорок, чуть не вышла за него замуж. Мэри Вирджиния выяснила, почему этого не случилось. «Я обнаружила чудесные любовные письма, написанные со страстью, которую я не забуду до конца своих дней, – рассказывала она. – Выяснилось, что от него забеременела одна местная девушка, и с тех пор тетя не желала с ним знаться. Она бросила его и не стала ни за кого выходить замуж. Это была замечательная драма!»

Легенды об опасностях плотской любви породили решимость Эдны уберечь любимое дитя от искушения. «Я никогда не рассказывала матери ни о менструациях, ни о чем, – говорила Вирджиния. – У нее было стойкое отторжение всего сексуального. Об этом не говорят – и всё». Конечно, на ферме, среди лошадей, свиней и других животных было трудно избежать эротики жизненных реалий. Подрастая, Вирджиния также узнала и о страхе женщин перед беременностью, и о городской проституции. Голден-Сити в те времена произвел на свет трех молодых женщин, которые стали процветающими «ночными бабочками» в Канзас-Сити.

Избегать темы близости стало труднее, когда мать забеременела и родила сына Ларри, на 12 лет младше Вирджинии. Но Эдна решила, что любые уроки на тему секса она станет давать дочери только на собственных условиях. Однажды вечером перед сном мать позвала Вирджинию к себе в спальню и начала бормотать что-то о сексе, используя непонятные термины и окольные выражения. «Я была еще маленькой, когда она попыталась рассказать мне о беременности и о том, как она получается. Мне ее слова показались совершенно бессмысленными».

К тому времени, как Мэри Вирджиния достигла пубертатного возраста и ее тело созрело, чувство одиночества в семье стало невыносимым. Ее интерес обратился на мальчиков – она заметила, что может привлечь их внимание, сверкнув одобрительной улыбкой, встав в определенную позу или тряхнув волосами. Вон Николс, живший неподалеку, вспоминал жаркие летние дни, когда он приезжал на своем грузовике к Эшельманам с продуктами, которые вез на рынок. В его память навеки врезался образ Мэри Вирджинии, одетой в короткие шорты: «очень короткие – думаю, она знала, что я приеду». Но если Вон и нравился Вирджинии, она никогда ему об этом не говорила. После просмотра фильма в городском кинотеатре «Палас» Вон и другие парни танцевали с девушками, в том числе и с Мэри Вирджинией, в маленьком кафе под названием «Зеленый светильник». Но ни один парень не значил для Мэри Вирджинии больше, чем Гордон Гарретт, чья семья жила примерно в двух милях от фермы Эшельманов.

Гордон никогда не хвастался своими победами, как другие парни. Он знал, что был у нее первым и нежно расспрашивал, все ли с ней в порядке, после того как все кончилось. Он хотел знать, «получилось» ли у нее, но она не знала, что отвечать.

В памятном фотоальбоме выпускного класса их фотографии помещены вместе. Раздел «пророчеств», который с юмором предсказывал будущее одноклассников, провозглашал истину, в которой тогда мало кто сомневался:

ЧИКАГО: Мистер и миссис Гордан [sic] Гарретт объявляют о поступлении их дочери в частную школу для девочек мисс Вирджинии Таунли. Миссис Гарретт в девичестве звалась мисс Мэри Вирджинией Эшельман.

К моменту вручения аттестатов весной 1941 года мир Мэри Вирджинии, еще недавно медлительный и тусклый, быстро расширился: приближалась война. Старший брат Гордона записался в береговую гвардию. Гордон получил годовую отсрочку, чтобы остаться работать на ферме Гарреттов. «Единственная причина, почему я не вышла за него замуж – или не думала об этом – заключалась в том, что я не хотела жить на ферме, – утверждала Вирджиния. – Я хотела поступить в колледж, вырваться в большой мир».

Эшельманы решили отослать Мэри Вирджинию в Друри-колледж в Спрингфилде, заниматься музыкой. Гарри с Эдной тоже уехали из Голден-Сити в свой родной Спрингфилд.

Через год Гордон в патриотическом порыве, захлестнувшим страну после трагедии Перл-Харбора, решил завербоваться в армию. В день отъезда он стоял, как потерянный, на платформе с остальными солдатами-добровольцами. Он надеялся, что Мэри Вирджиния придет попрощаться с ним. Разочарованно оглядываясь по сторонам, Гордон повернулся к своей малышке-племяннице. «Придется теперь тебе стать моей подружкой, – горестно проговорил он, – потому что у меня больше нет девушки».

Когда мать решила рассказать дочери эту печальную историю, Мэри Вирджиния уже давно уехала из Голден-Сити. «Это меня не тронуло. К тому времени я уже встречалась со многими другими парнями. Теперь, оглядываясь назад, я говорю: неужели я была настолько бесчувственной? Я вообще не думала о нем. В городе все знали, что он никогда не женится, если не женится на мне».

Глава вторая В самом сердце

*«Не позволяй звездам застить себе глаза.
Сохрани свое сердце для меня, ведь однажды я вернусь,
И ты узнаешь, что ты – единственная любовь в моей жизни».*
Don't Let the Stars Get in Your Eyes, песня в исполнении Педа Роули

1942 год. Сделав глубокий вдох, Вирджиния выпрямилась, словно по стойке смирно, и с подъемом запела завершение национального гимна вместе с вокальным квартетом Друри-колледжа. «Над землею свободы... – пели они, заканчивая фиоритурой. – И родиной... храбрых».

Все присутствующие – члены миссурийской Генеральной ассамблеи, сенаторы штата, клубные политики, юристы и чиновники – заплотировали. Джефферсон-Сити вступил на тропу войны. Нападение японцев на Перл-Харбор, общее стремление ехать в Европу, чтобы воевать против нацистов, – все это наэлектризовало столицу штата Миссури. Мир изменился и никогда уже не станет прежним. Со времен гражданской войны, когда Джефферсон-Сити раскололся на юнионистов и конфедератов, в нем не было такого воинственного пыла.

Квартет Вирджинии выступал на политических дискуссиях, иногда в церквях. Она начала петь в квартете, после того как стала брать уроки вокала в Друри-колледже, местном учебном заведении, некогда именовавшемся «Йелем Юго-Запада». В Джефферсон-Сити ее знали как Вирджинию – она опустила первую часть своего двойного имени. Поскольку Эдна Эшельман была активисткой республиканского комитета округа Бартон, ее дочери удалось получить секретарскую работу, которая обеспечила ей доступ в большой мир. Позднее Вирджиния стала помощницей сенатора штата, в чей округ входил Спрингфилд.

Мать знала, что Джефферсон-Сити – место, где ее дочь сможет найти себе успешного мужа, а не какую-нибудь деревенщину. Чувствуя себя обманутой в своих мечтах, Эдна Эшельман не собиралась позволить пропасть дочери.

К своим двадцати годам Вирджиния выглядела и вела себя как женщина на несколько лет старше. Она уверенно заводила друзей среди сильных мира сего, их секретарей и рядовых государственных служащих.

Исполняя национальный гимн на очередном политическом сборище, Вирджиния познакомилась с высокопоставленным чиновником из правительства Миссури. Этот политик был вдовцом с детьми, почти ровесниками Вирджинии. Он потерял голову от ее юной красоты и, вероятно, доступности. Уже через несколько недель они заговорили о браке. Но действительно ли брачные обеты были произнесены?

«Мне было всего 19 лет, и этот брак продлился два дня, – рассказывала Вирджиния в 1973 году в интервью газете *Washington Post*, которая насчитала у нее четверых мужей. – Он был видной политической фигурой, и девятнадцатилетняя невеста ему явно не подходила. Теперь он уже умер».

Их отношения были обречены. Хотя его влюбленность не охладела, возобладал политический инстинкт выживания – он решил баллотироваться на пост губернатора. Власть имущие решили, что нельзя одновременно претендовать на этот пост и встречаться с ровесницей собственных детей.

В Джефферсон-Сити Вирджиния усваивала образ жизни молодых, независимо мыслящих женщин. Вторая мировая война дала им огромные возможности в области занятости, но оставалось множество ограничений, как в общественной сфере, так и в личной – и особенно в

сексуальных вопросах. Невежество женщин в отношении собственного тела ужасало Вирджинию.

Однажды знакомая пришла к ней за советом. Девушка вступила в сексуальные отношения с мужчиной, за которого не собиралась выходить замуж, и тревожилась из-за возможных последствий.

– Буду ли я... – запинаясь, спросила она. – Может ли кто-нибудь понять, что я лишилась девственности?

Вирджиния не смогла помочь подруге. Она тогда даже не знала, что такое девственная плева.

Вирджиния презирала лицемерие женщин, которые разыгрывали из себя непорочных скромниц. Она никогда не притворялась незаинтересованной. «Я ни разу не встречалась с мужчиной, если у меня не было с ним сексуальных отношений. Секс доставлял мне наслаждение».

Во время войны Вирджиния общалась со многими военными-срочниками. Она узнала, что романтическая любовь – большая редкость в реальной жизни. В армейской среде молодые мужчины и женщины быстро выросли. Впереди, в дальних краях, их ждали решения, от которых зависела жизнь и смерть. Находясь в гуще событий, Вирджиния особенно остро чувствовала себя частью чего-то большего, нежели она сама. У нее постоянно возникали романы – но без эмоциональных привязанностей. Война дарила женщинам свободу непринужденной близости.

Вирджиния вспоминала свою связь с разведенным офицером, который был замечательно хорош в постели. Во время постельных разговоров он рассказывал ей, как борется за право опеки над сыном с бывшей женой. Вирджиния никогда не считала себя усложняющим фактором в жизни этого мужчины; напротив, полагала, что их отношения сродни встрече двух кораблей в ночи: встретились – и разбежались. Оказалось, отсутствие любви не мешает достижению оргазма. Просто с одними мужчинами это происходило проще, чем с другими.

Некоторые мужчины очаровывали Вирджинию интеллектуально. Один ее бойфренд, одаренный скрипач, призванный на военную службу из Питтсбургского симфонического оркестра, поделился с ней ценными знаниями о музыке и помог осознать ее певческий потенциал. Этот скрипач-вундеркинд был полным профаном в будничных ритмах, но несмотря на это Вирджиния даже подумывала выйти замуж за талантливого человека, который обещал показать ей мир музыки. Их отношения охладели после высокомерных высказываний Эдны Эшельман по поводу его религии – он был католиком. Но финальный приговор их роману вынес «Дядюшка Сэм», который отослал питтсбургского скрипача на европейский театр военных действий. Больше Вирджиния никогда с ним не виделась. Еще один любовник, ушедший на войну...

Из всех своих кратковременных связей Вирджиния умудрялась выйти без потерь. Никто не смог разбить ей сердце, пока она не начала встречаться с одним армейским капитаном. В нем Вирджиния увидела мужчину умного, целеустремленного и физически привлекательного; человека, которым она восхищалась и даже восторгалась. «Ему было 26 лет, а мне чуть больше восемнадцати, – говорила она. – Он был просто волшебником в умении обращаться с людьми».

В то лето они почти не разлучались, хотя армейский капитан признался Вирджинии, что он помолвлен. «Вы напоминаете мне мою невесту», – сказал он при первом же знакомстве. Вирджиния отмахнулась от этих слов, убежденная, что ей будет достаточно ее собственной любви к нему. Она вошла в круг общения своего избранника, была принята его лучшими друзьями, их женами и подругами. Ближайший приятель капитана в Форт-Леонард-Вуде был немного старше его, в том же звании, с женой и маленьким ребенком. Он держал на базе собственную машину и позволял капитану и Вирджинии брать ее в любое время. Во время долгих поездок они останавливались под деревьями и самозабвенно занимались любовью. Уверенная

в своих чувствах Вирджиния однажды уговорила любовника проехать 70 миль до Спрингфилда, чтобы познакомить его с родителями и родственниками.

Спустя почти год Вирджиния поняла, что хочет выйти замуж за капитана. Она уже забыла их мимолетный разговор о том, что у него есть невеста, которая ждет его в родных краях. Но однажды поведение капитана изменилось: он, прежде такой открытый и ласковый, внезапно сделался мрачным и скованным. Он сказал, что собирается жениться.

Когда эта новость разлетелась по армейской базе, их дружеский кружок, казалось, сокрушался не меньше, чем сама Вирджиния. Жены и подруги офицеров – возможно, задумываясь об уязвимости их собственных отношений в военное время, – сострадали Вирджинии. Лучший друг ее бывшего любовника, тот самый женатый капитан, то и дело повторял ей: «Я на тебе женюсь, я на тебе женюсь!» – словно пытаюсь исцелить ее рану. Вскоре заключила брак другая пара из их кружка, и Вирджиния пришла на свадьбу в гордом одиночестве, прихватив с собой фотоаппарат «Брауни». После церемонии она стояла у ворот старой англиканской часовни, пока толпа осыпала счастливых молодоженов рисом. Кто-то взял у нее камеру и сфотографировал ее. Позднее Вирджиния наткнулась на эту свою полинялую фотографию в позабытом альбоме – она выглядела так, будто у нее только что скончалась вся семья. «Может быть, потому что я и не выходила замуж за тех, кого по-настоящему любила, – размышляла она вслух. – В моей душе оставалось это эхо – что меня бросили и отвергли. На самом деле, он просто не имел на меня никаких видов».

Боясь вновь получить такую же травму, Вирджиния научилась разделять любовь и желание. Теперь ее больше интересовал секс, чем мужчины, с которыми она им занималась.

Глава третья

Миссис Джонсон

«Она задумалась, не могла ли она каким-либо способом, при других обстоятельствах, встретить другого мужчину; и попыталась представить те события, которых не случилось, ту иную жизнь, того мужа, которого не знала».

Гюстав Флобер, «Мадам Бовари»

В часовне всё было белым, свежим и необычайно чистым. Вирджиния в белом креповом платье и белой модельной шляпке шла к алтарю Центральной христианской церкви в Спрингфилде. Органист играл популярные сентиментальные мелодии о вечной любви и преданности.

Очарование этой субботней свадьбы в июне 1947 года – когда «бывшая Мэри Вирджиния Эшельман», как гласило объявление в местной газете, стала женой Айвена Райнхарта – омрачалось разницей в возрасте. Невесте было двадцать два года. Ее нареченному супругу, юристу из соседнего городка Вест-Плэйнс, – сорок три. Эдну и Гарри Эшельманов совсем не радовало, что их единственная дочь выходит за мужчину почти вдвое старше себя.

С окончанием Второй мировой войны Вирджиния начала опасаться, что может в конечном счете оказаться на какой-нибудь захудалой ферме в Миссури. Ощущение, что обыденная жизнь отложена на потом, исчезло. Американцы хотели вернуться к привычному быту, к домашним радостям. В двадцать два года Вирджинии было еще далеко до старой девы, хотя многие девушки, которых она знала по школе, были уже помолвлены или замужем. За недолгой учебой в Друри-колледже последовало зачисление в Миссурийский университет, но диплом она так и не получила.

Айвен и Вирджиния познакомились несколькими годами ранее в страховом департаменте штата, в Джефферсон-Сити, где она работала секретаршей, а он был поверенным. Хотя Айвен обладал многими замечательными качествами, особенной красотой он не отличался. Высоколобый, с ястребиным носом и чуть косящими глазами рядом с невестой он был больше похож на ее отца, чем на жениха. Но Вирджиния твердо решила выйти за него замуж, чтобы сбежать от изнурительных нотаций матери и потакания отца. Она чувствовала, что наконец-то станет самостоятельной, но не радовалась этому браку.

Перед началом церемонии священник заметил, что на свадьбе нет фотографа. Вирджинии не хотелось фотографироваться; ей была неприятна мысль, что счастливые лица ее и Айвена останутся на память потомству.

Их скромный свадебный банкет состоялся в зале при той же церкви, а за ним последовал недельный «медовый месяц». Вскоре оказалось, что их взгляды на семью расходятся – Айвен не хотел заводить детей. Развод произошел быстро.

Вирджиния нашла работу секретарши в «Сент-Луис Дейли Рекорд» – журнале, который вел светскую хронику. Это было идеальное место для поисков нового мужа. Через коллегу Вирджиния познакомилась с Джорджем Джонсоном, мужчиной, который был ближе ей по возрасту. Он учился на инженера в Вашингтонском университете и – что, пожалуй, еще важнее – был солистом биг-бэнда в местном ночном клубе. «Если вам когда-нибудь понадобится певца, – сказал общий приятель, знакомя их, – знай, Вирджиния умеет петь».

Джордж Джонсон безукоризненно одевался, щегольски зачесывал волосы, тщательно подстригал усы, носил очки в роговой оправе и плотно поджимал губы – результат хорошего амбушюра³. Он самостоятельно научился играть на деревянных духовых инструментах – клар-

³ Амбушюр – специфический способ сложения губ и языка для извлечения звука при игре на духовых инструментах.

нете, альт-саксофоне и тенор-саксофоне – и организовал собственный оркестр, исполнявший обычный репертуар биг-бендов тех дней.

Особого желания встречаться с ним у Вирджинии не было. Но Джордж Джонсон предложил ей то, перед чем она не смогла устоять, – микрофон и огни софитов. После пения в церковных хорах, университетских квартетах и армейских концертах Вирджиния, наконец, получила возможность стать профессиональной певицей, солисткой в биг-бэнде Джорджа. Его ночной мир – мир хрипловатых голосов и танцев в полутьме – казался таким далеким от ее фермерской юности.

Их свадьба в июне 1950 г. состоялась в саду пресвитерианской церкви, в хоре которой некогда пела Вирджиния. Жених был одет в светлый пиджак с галстуком в «турецких огурцах», из нагрудного кармана выглядывал платок в тон. Вирджиния снова шла к алтарю в шляпке с широкими полями. И вновь на свадьбе не было фотографа – только общий друг снял молодоженов после церемонии. Вирджинии никогда не хотелось, чтобы на ее свадьбах делали фотографии.

Вирджиния выступала с оркестром мужа в местных заведениях Сент-Луиса. Путешествия с оркестром приводили ее в восторг. Казалось, она обрела ту жизнь, о которой мечтала, свой способ добиться признания.

Но месяц шел за месяцем, и блестящая жизнь с ее утомительным режимом поздних выступлений подорвала ее здоровье. Врач рекомендовал ей найти себе другое, не такое стрессовое занятие. Она решила стать преподавательницей танцев в студии, расположенной неподалеку от их квартиры.

Джордж Джонсон не имел ничего против детей. Вирджиния, которой тогда было двадцать шесть лет, откровенно мечтала о них. Вскоре после свадьбы она родила сына, которого назвали Скоттом, а через несколько лет – дочь Лизу.

Дети стали для семейства Джонсонов эмоциональным багажом, который их отношения «не потянули». «Пока не родились дети, все было прекрасно, – поясняла Вирджиния. – Но музыканты – птички ночные, а дети – дневные».

Джорджа часто не было дома – он все вечера напролет выступал в клубах, а по выходным еще и на свадьбах, и такая жизнь стала для Вирджинии невыносимой. Она больше не пела с оркестром. Сидеть дома с детьми ей никогда не хотелось. Она уехала из Голден-Сити не для того, чтобы застрять в такой рутине. Вечно отсутствующий муж мало чем мог ей помочь. Она крутилась, как белка в колесе, разрываясь между тем, чего она хотела от жизни, и тем, чего ожидали от нее другие. Роль работающей матери вынудила Вирджинию полагаться на бэбиситтеров, доверять заботу о своих детях незнакомым людям. Однажды вечером после работы Вирджиния обнаружила шестилетнего Скотта одного дома. Дочь исчезла вместе няней. В панике Вирджиния позвонила в полицию. Оказалось, что няня была алкоголичкой и повезла двухлетнюю девочку к себе домой, чтобы взять из заначки бутылку.

С двумя детьми на руках Вирджиния все же решила расторгнуть брак. Миротлюбивый Джордж не стал спорить, он только спросил, почему она этого хочет.

«Мне больше нечего тебе дать», – ответила она. Однако Вирджиния сохранила свою фамилию в замужестве – Джонсон.

Ее, конечно, беспокоили два неудачных брака: в те времена, когда развод в Америке был еще редкостью, это означало, что в ней есть некий изъян. Вирджиния наслаждалась сексом и взаимной привязанностью с обоими мужьями, но не нашла в них истинной, долговечной любви, о которой пела и мечтала. По необъяснимым даже для самой себя причинам она побывала замужем за двумя мужчинами (возможно, даже за тремя, если верить некоторым свидетельствам), ни одного из которых по-настоящему не любила.

Те, кто знал Вирджинию в этот период, говорили, что она была слишком амбициозна и энергична, чтобы удовлетвориться монотонным существованием с таким человеком, как

Джордж Джонсон. Джордж и сам понимал, что не сможет удержать жену, что она жаждет большего. Но когда в сентябре 1956 года были подписаны документы о разводе, миссис Джонсон все еще не вполне представляла себе, какое оно – это «большее».

Студенты разъехались на рождественские каникулы. Вирджиния шла на собеседование через пустой, засыпанный снегом кампус медицинской школы Вашингтонского университета в Сент-Луисе. В тридцать один год она была безработной, дважды разведенной матерью-одиночкой с двумя маленькими детьми и надеялась начать жизнь с чистого листа.

На собеседование она надела платье простое, но достаточно изысканное, чтобы не показывать, как отчаянно она нуждается в этой работе. Ее темные волосы были убраны назад и стянуты в пучок. Легкий намек на розовую помаду оттенял губы. Ушла в прошлое гибкая грация юной фермерской дочки; зато появилась полностью сформировавшаяся фигура женщины в расцвете лет – женщины, которая уже многое повидала в жизни. Она мысленно составляла ответы на возможные вопросы и тренировалась модулировать голос, чтобы он звучал приятно и учтиво. В здании медицинского факультета Вирджиния вошла в маленький неприметный кабинет и стала ждать назначенной встречи с доктором Уильямом Мастерсом.

Поступив в Вашингтонский университет, Вирджиния планировала заняться социальной антропологией и изучать культурные различия между врожденными и приобретенными факторами в человеческом развитии. Но поскольку конкретной специализации в этой сфере не было, университетский куратор посоветовал ей обратить внимание на социологию. Она знала, что для оплаты обучения придется найти работу в кампусе и сбалансировать рабочее расписание с посещением занятий.

После развода с Джорджем Джонсоном Вирджиния снова стала зависеть от родителей, которые были только рады ей помочь. Но она знала, что эта помощь обойдется ей дорогой ценой – ценой свободы. Разрешить эту дилемму было невозможно, пока она не окончит колледж, не найдет стабильную работу и не станет зарабатывать достаточно, чтобы самостоятельно растить двоих детей. Она не могла положиться на Джорджа, который все еще мечтал добиться громкого успеха со своим биг-бэндом – в тот самый год, когда Элвис Пресли и рок-н-ролл изменили американскую поп-музыку навсегда! Вирджиния жаждала начать все с начала, добиться самостоятельности с университетским дипломом.

На отделении социологии работы для нее не нашлось, и ее направили в медицинскую школу, где можно было договориться о должности помощницы преподавателя. Медицина Вирджинию не интересовала, и она мало что знала о докторе Мастерсе. Его исследование в области физиологии секса держалось в строгом секрете. Вирджиния считала, что оно касается борьбы с бесплодием.

Во время собеседования 41-летний Мастерс пристально рассматривал Вирджинию – с холодной отстраненностью ученого, вглядывающегося в чашку Петри. Его внешность – темные, близко посаженные глаза, лысая макушка, окруженная коротко стриженными седеющими волосами, тонкогубая улыбка, почти гримаса – делала его старше своих лет. Мастерс задал несколько формальных вопросов о биографии и опыте кандидатки. Вирджиния отвечала с апломбом, хотя у нее не было достаточно опыта. Но для Мастерса это, казалось, не имело значения. С каждым ее ответом он становился все обходительнее, пока до нее не дошло, что она принята.

Интуитивная манера Мастерса была основана на «шестом чувстве», которое развивается у опытного врача, и оно подсказало ему, что миссис Джонсон будет идеальным компаньоном для его деятельности. Однако он очень мало рассказывал о себе или о своих планах. Мастерсу предстояло оставаться загадкой длиною в жизнь. Прием Вирджинии на работу стал первым из множества его поступков, которые приводили ее в трепет и оставляли в недоумении. Казалось, Билл Мастерс все решил для себя еще до того, как Вирджиния Джонсон открыла рот.

«Почему он выбрал меня? Я до сих пор не вполне понимаю, – вспоминала она спустя много лет после первой встречи с доктором Мастерсом. – Но вдруг я стала принцессой».

Глава четвертая

Никогда не возвращаться домой

Билл Мастерс скользил по Рэйнбоу-Лейк на водных лыжах, держа на плечах красивую блондинку с развевающимися волосами. Оба махали руками восхищенным зрителям на берегу... Доктор Фрэнсис Бейкер до сих пор хранит фотографию сестры и своего соседа по общежитию медицинской школы.

Рэйнбоу-Лейк дарило редкое чувство счастья Уильяму Хауэллу Мастерсу, молодому человеку, который знал в жизни не так уж много радостей. Летние сезоны, которые он проводил, работая консультантом туристического лагеря, были отдохновением после постоянной учебы, вначале в Гамильтон-колледже, а потом на медицинском факультете Рочестерского университета. Три года подряд Билл Мастерс после окончания занятий отправлялся в лагерь Адирондак и уезжал оттуда, когда начинался семестр, никогда не возвращаясь домой.

Однажды августовским днем 1938 года Фрэн пригласил Билла на обед в коттедж, принадлежавший его семье. Во время этого обеда младшая сестра Фрэна Джеральдина, которую все называли просто Доди, произвела на Билла неизгладимое впечатление. Он стал постоянным гостем у Бейкеров, стараясь проводить с Доди как можно больше времени. Гамильтон был чисто мужским заведением, и Биллу не хватало опыта общения с девушками. Он изо всех сил старался не показаться слишком взволнованным и косноязычным, разговаривая с Доди. «Я был не так уж хорошо подкован в искусстве ухаживания», – писал позднее Билл в своих неопубликованных мемуарах.

В долгие жаркие уикенды друзья разъезжали по озеру на шестнадцатифутовом моторном катере из красного дерева, купленном вдовой миссис Бейкер ради развлечения детей. Фрэн обычно управлял катером, пока Билл и Доди катались на водных лыжах. Но даже в этой расслабляющей обстановке Билл Мастерс окружал себя стеной, в которой позволял пробить брешь лишь немногим.

Учась в Гамильтоне, Билл проводил каникулы у своих однокурсников. «Билл не ездил на Рождество домой», – вспоминал Фрэн. Казалось, в его душе жила какая-то огромная боль, которую он всю жизнь старался преодолеть.

Отец Билла Фрэнсис Уинн Мастерс был человеком жестким, грубым и нетерпимым. Работая коммивояжером, он изъездил с женой и двумя сыновьям, Биллом и его младшим братом Фрэнсисом, весь Средний Запад. Гнев и разочарованность этим миром у Фрэнка Мастерса почему-то сосредоточивались в основном на старшем сыне и его вымышленных недостатках. Будучи мальчиком хрупкого здоровья Билл перенес два серьезных приступа септицемии – заражения крови, которые вызвали осложнение: левый глаз стал слегка косить. Это «косоглазие» стало для Билла сущим проклятием, наградив его казавшимся свирепым взором, который многих нервировал.

К двенадцати годам Билли обладал таким интеллектом, что смог поступить в старшую школу, хотя эта поспешность оказалась ошибкой. «Я был недостаточно зрелой личностью для тех испытаний, с которыми сталкивается любой старшеклассник в школе для мальчиков», – писал позднее Мастерс. В собственной семье Билл страдал от постоянных унижений. Побои были обычным делом. «Отец звал меня в спальню, запирали дверь и принимался пороть ремнем (всегда тем концом, на котором была пряжка), – рассказывал Билл. – Он избивал меня каждый месяц-полтора настолько жестоко, что мои костлявые ягодицы порой начинали кровоточить». Предсказать, когда случится очередная порка, было невозможно, и Билл чувствовал себя совершенно беспомощным. «Он повторял, что будет бить меня, пока я не встану на колени и не попрошу пощады», – писал Мастерс в мемуарах. Билл отказывался просить, и побои становились сильнее. Мать пыталась вмешаться, но сама боялась неистовой жестокости мужа.

Став взрослым, Билл вспоминал, как отец обращался с матерью: «Он командовал ей, что приготовить на ужин и как голосовать на выборах. Новую одежду нельзя было купить, пока он ее не оценит... Все решения и события должны были получать одобрение отца».

Позднее Билл узнал, что его отец страдал от менингиомы – растущей злокачественной опухоли в мозгу, способной вызывать головные боли, изменения личности и мгновенные вспышки ярости. «Как эта опухоль могла влиять на его поведение, я могу только догадываться, – писал он. – Отец меня не признавал, и с этим было очень тяжело жить, особенно в ранние отроческие годы...».

Последний эпизод общения между Фрэнком и его старшим сыном состоялся во время их поездки в Лоуренсвилльскую школу, частное учебное заведение в Нью-Джерси. Фрэнк Мастерс в юности сам учился в этой школе, но решение послать туда Билла приняла Эстабрукс Мастерс, желая вырвать сына из жестокой хватки мужа. Двоюродная бабушка мальчика Салли Мастерс оплатила обучение Билла.

В четырнадцать лет Билл покинул родительский дом в Канзас-Сити и отправился на поезде с отцом в долгий путь до Лоуренсвилля. По дороге они сделали остановку в Нью-Йорке, где отец угощал его в знаменитых ресторанах и повел на первое в жизни мальчика бродвейское шоу. Билл от души наслаждался этим уикендом в огромном городе, удивленный неожиданным великодушием отца, но при этом все время боялся, что «вот-вот рванет бомба».

В поезде Фрэнк Мастерс озаботился исполнением еще одного отцовского долга: проинформировать сына о сексе. «Ты знаешь, что есть вещи, которыми мужья и жены занимаются вместе и про которые большинство людей очень мало знают», – так начал Фрэнк. Женщина, сидевшая в том же купе со своей юной дочерью, повернулась к ним и дала понять, что им неловко слушать слова Фрэнка. Но тот продолжал говорить. «Невозможно более искаженно изложить многие подробности этой темы, но он был убежден в своей опытности», – вспоминал его сын, став взрослым.

В Лоуренсвилле Фрэнк Мастерс повел сына на экскурсию по территории школы. Они зашли в кабинет декана, который пару минут поболтал с ними и пожелал Биллу удачи в новой школе. Прежде чем вернуться в Канзас-Сити, Фрэнк Мастерс побаловал сына первым в его жизни «джиггером» – коктейлем из мороженого и других сладких ингредиентов. «Я решил было, что этот «джиггер» был оливковой ветвью мира с его стороны, – писал Билл в воспоминаниях. – Как же я ошибался!».

Когда они подошли к железнодорожной станции, Фрэнк Мастерс объявил сыну, что отныне он становится изгоем в собственной семье. «Раз тетя Салли оплатила твои расходы на следующие четыре года, – сказал он, – я считаю, что с моими обязанностями по отношению к тебе покончено». Отец прибавил, что будет посылать Биллу немного денег, чтобы тот мог приехать домой на Рождество, но ничего сверх этого. Он запретил сыну обращаться за помощью к матери или другим родственникам и ушел, не попрощавшись, а Билл рыдал в тот вечер, пока не уснул.

В Лоуренсвилле юный Билл стойчески развивал в себе самостоятельность, занимаясь разными видами спорта, например американским футболом, и проводя несчетные часы в библиотеке – привычки, которые он пронес через весь колледж и медицинскую школу. Билл сдружился с другими мальчиками, в том числе с Карлтоном Пейтом, чьи родители пригласили его провести День благодарения у них дома в Нью-Йорке. Пока он гостил там, миссис Пейт, добрая душа, догадалась, какая боль терзает молодого человека. Она стала расспрашивать об отце, и он ответил с полной откровенностью. Когда Билл закончил свой рассказ, у обоих были слезы на глазах.

Перед Рождеством пришло письмо от отца, в которое были вложены деньги на билет от Трентона до Канзас-Сити и обратно. Однако за время отсутствия старшего сына ничего

не изменилось. В итоге Билл объявил, к ужасу матери, что уедет на следующий день после Рождества, не оставшись дома на свой пятнадцатый день рождения – 27 декабря.

Эстабрукс Мастерс уговаривала сына передумать. Когда отец уехал на работу, у них с Биллом состоялся долгий разговор. «Она пыталась как-то объяснить чувства отца по отношению ко мне, – писал Билл, – хотя не могла дать разумного объяснения жестоким избиениям и его обращению со мной». Билл жалел мать, которая была пленницей в грубом, авторитарном мире, созданном отцом. В ней уживались две разные женщины – сострадательная мать и послушная жена своего жестокого мужа.

На следующий день после Рождества Фрэнк Мастерс по просьбе сына отвез его на вокзал. Мать сунула ему в карман конверт с наличными. Билл гадал, не было ли в ее подарке скрытого обещания поддержки, но ему так и не представился шанс спросить ее об этом. В течение следующих четырех лет Эстабрукс Мастерс поддерживала контакт с сыном лишь тайком. Она звонила ему от соседей в середине рабочего дня, чтобы об этом не узнал Фрэнк. Она посылала письма Биллу в пансион, вкладывая в конверты понемногу денег, но он никогда не благодарил ее – «из страха, что отец узнает об этом и сделает ее и без того несладкую жизнь еще более тяжелой».

Прерванный рождественский визит Билла был последней в его жизни встречей с отцом. Фрэнк Мастерс умер от болезни, разрушившей его мозг, три года спустя после того, как Билл окончил Лоуренсвилльскую школу и был принят в Гамильтон-колледж. К тому времени Билл уже отдалился от матери и младшего брата Фрэнка – эти отношения так никогда по-настоящему не наладились. Он решил «сделать себя» сам, найти собственную судьбу.

Трехэтажный кирпичный корпус Альфа-Дельта-Фи занимал видное место в кампусе общеобразовательного Гамильтон-колледжа. В нем обитали две дюжины членов студенческого братства. Среди них был и Билл Мастерс. В Альфа-Дельта-Фи его знали все. Он возмужал и стал крепким, самоуверенным взрослым юношей, не похожим на ранимого мальчика, каким он был раньше. Товарищи благоговели перед Мастерсом и его чисто мужским подходом к любым вопросам. Он играл в футбольной команде Гамильтона и был любимцем болельщиков, несмотря на хроническую травму колена. Он умел боксировать – достаточно хорошо, чтобы отпугнуть задиру. Он блистал в студенческой дискуссионной команде и ездил по кампусу на собственной машине – что было редкостью в те дни. Завистливые сокурсники поговаривали о семейном трастовом фонде, из которого, как они полагали, оплачивались расходы Билла.

Хотя изначально он специализировался в английском языке, в качестве профессии Билл избрал медицину.

Самыми авантурными приключениями Билла во время учебы в колледже были полеты на самолете. Еще в Лоуренсвилле его обучил этому друг семьи, который руководил летной тренировочной школой. Билл получил лицензию пилота и брался за любую работу в маленьких частных аэропортах.

Перед Второй мировой войной ремесло пилота все еще было делом новым и довольно опасным, и Мастерсу неплохо платили. Один бизнесмен, который часто разъезжал по стране, нанял его в качестве второго пилота своего многомоторного самолета. Ради дополнительного дохода Билл летал и как летчик-испытатель – рискованная задача, решение которой существенно повышало цену испытанного самолета. Он сам покупал и продавал самолеты, всегда с заметной прибылью. Он был достаточно безрассуден, чтобы исполнять опасные воздушные трюки. Однажды он принял пари на то, что пройдет по крылу своего самолета и прыгнет с него над Лейк-Плэсидом, в штате Нью-Йорк, недалеко от Рэйнбоу-Лейк. Однако на пути вниз Билл оказался не на той стороне от своего парашюта и утратил контроль над ситуацией. С большим трудом он справился и благополучно приземлился. Это был его первый и последний прыжок.

Фрэн Бейкер иногда летал вместе с другом и в конце концов поддался на его уговоры научиться управлять самолетом. Как и Билл, Фрэн поступил в медицинскую школу Рочестерского университета, окончив Гамильтон-колледж. Полеты сыграли решающую роль в отношениях Билла с сестрой Фрэна. В Гамильтоне Билл встречался и с другими молодыми женщинами, у него даже была постоянная подруга, которую звали Элизабет Эллис. Но после идиллических летних каникул на Рэйнбоу-Лейк он мечтал жениться на Доди Бейкер. В ее присутствии Билл становился другим человеком – словно продолжал скользить по озеру. Его обычно резкая, нетерпимая манера поведения смягчалась.

Его намерения окончательно оформились, когда Доди внезапно заболела. Фрэн договорился, чтобы сестру госпитализировали в Рочестер для небольшой операции. Под влиянием внезапного импульса Билл решил встретить ее по пробуждении двумя дюжинами роз на длинных стеблях. Он хотел, чтобы Доди вышла за него замуж, и «чувствовал, что настало время сделать решающий шаг». Не сумев найти достаточного количества нужных ему роз в Рочестере, Билл придумал экстравагантный план, который позволил бы ему выглядеть в глазах Доди «птицей высокого полета». Он позвонил в Нью-Йорк и договорился, что заберет заказ в две дюжины роз в маленьком аэропорту у моста Джорджа Вашингтона. Когда Билл прилетел обратно к больнице, часы посещения уже закончились, но медсестра уверила его, что Доди получит розы и вложенную в них любовную записку, как только проснется.

На следующее утро Фрэн сообщил Биллу, что в Буффало умерла их с Доди бабушка, и спросил, не сможет ли Билл отвезти его сестру на самолете домой, на похороны. «Конечно», – ответил Билл, уверенный, что Доди будет рада видеть его. Однако когда он приехал в больницу, девушка выглядела расстроенной, а голова у нее все еще кружилась после анестезии. К удивлению Билла, она ничего не сказала о розовом букете и любовном стихотворении в приложенном к нему письме. Доди *не знала* об этих подарках, потому что они так до нее и не дошли! Видимо, ночная медсестра забыла отнести ей розы. Билл же предположил худшее – и ни о чем не спросил.

Билл отвез Доди в Буффало в своем двухместном самолете. Под шум мотора они не слишком много разговаривали. Когда они приземлились, Доди любезно поблагодарила Билла, но в ее словах звучала только обычная вежливость. Фрэн быстро увел Доди прочь, а Билл в одиночестве полетел обратно в Рочестер, подавленный тем, что его предложение было отвергнуто. Долгое время он ничего не слышал о Доди, которую называл единственной настоящей любовью своей молодости, пока не узнал, что она вышла замуж за молодого врача из Буффало.

Некоторые друзья и родственники сомневались в правдивости печального апокрифического повествования Билла о его утраченной любви. Была ли Доди Бейкер, скорее, мечтой, чем реальностью, тем идеализированным образом, создаваемым мужчинами из женщин, которых они, по их словам, любили, не понимая живого человека, стоящего за этой фантазией? Как мог мужчина, вжившийся в точнейшие стандарты науки и медицины, видеть эту женщину в столь романтическом ореоле? Спустя долгие годы Билл Мастерс не переставал гадать, как могла бы повернуться его жизнь, если бы он женился на красивой блондинке с пляжа Рэйнбоу-Лейк.

Глава пятая

Чудо для глаз

«Можем ли мы рассчитывать на получение качественного образования без вдохновения людей, стремящихся познать через свои собственные исследования вселенную, в которой обитает род человеческий, и природу человеческого тела и разума?»

Джордж Вашингтон Корнер

В анатомическом классе Джорджа Вашингтона Корнера человеческое тело было чудом для глаз. Корнер показывал студентам качающее кровь сердце, утонченную архитектуру позвоночника, жизненно важные функции печени, почек, кишечника и другие дивные дива мышц, костей и тканей, описанных в учебнике «Анатомия Грэя». Студентам казалось, что их профессор мог вернуть к жизни даже труп.

Преподававший в Рочестерском университете Корнер был знаменитым врачом и произвел сильное впечатление на Билла Мастерса. Тот собирался стать обычным практикующим врачом, но Корнер вдохновил его сделаться ученым, вечно бросающим вызов неисследованным областям медицины. Мастерс вспоминал, как Корнер говорил ему: «Билл, невозможно узнать слишком много».

Подобно деятелям эпохи Возрождения Корнер мог говорить не только о ремесле, но и об истории анатомии. Он пел хвалы Аристотелю как отцу биологии и со знанием дела рассуждал о практике иссечения тканей у ассирийцев, иудеев и греков. Особенно он восхищался чудесами репродуктивной системы, источника всей жизни. «Когда мир впервые узрел яйцеклетку млекопитающего в 1827 году, это открытие решило великую задачу, но в то же время поставило бесконечный ряд новых вопросов, в которых мы до сих пор разбираемся», – писал позднее Корнер в своей автобиографии.

Прежде чем основать факультет анатомии в Рочестере Корнер учился и преподавал в университете Джонса Хопкинса, исследуя гистологию и физиологию репродуктивной системы. Он понимал, до какой степени религия, культурные традиции и обыкновенное невежество тормозили человеческие знания о половом размножении. Особенно его ужасала сама медицина. «Попытки гинекологов лечить функциональные расстройства менструации и бесплодия были беспомощным барахтаньем, едва ли продвинувшимся далее процедур времен Гиппократы, – писал Корнер в 1914 году. – Как могли мы надеяться на что-то, если не понимали циклов человеческого организма?».

Автор одного учебника делил историю акушерства и гинекологии на «до-корнеровский» и «после-корнеровский» периоды. Его труды привели к фундаментальным открытиям в области контрацепции и создания противозачаточных таблеток. Корнер и его доверенный коллега из Рочестера Уиллард Аллен первыми обозначили роль прогестерона, ключевого гормона в менструальном цикле. Многие ожидали, что он получит Нобелевскую премию.

В лаборатории Корнер проводил репродуктивные исследования на обезьянах и кроликах, и его студенты видели, как эти функции устроены у млекопитающих.

– Мастерс, рад видеть вас на борту, – провозгласил Корнер, входя в свой профессорский кабинет. – Вам известно, циклично ли менструируют крольчихи?

Мастерс, казалось, потерял дар речи.

– Доктор Корнер, я понятия об этом не имею, – признался он.

Хотя Корнер был одним из самых талантливых ученых в своей сфере, он оставался таким добродушным дедушкой, присматривающим за своими подопечными. Он решил больше не мучить Мастерса.

– Вот и я не знаю, – весело проговорил Корнер. – Когда выясните, расскажите мне.

Первые попытки Мастерса заставить крольчих менструировать не имели особого успеха. «Я потерпел неудачу, – вспоминал он. – Они не желали делать это ради меня». Но наблюдение за кроличьей любовью в лаборатории принесло свои плоды. Мастерс со временем выяснил, что у самки кролика происходит непроизвольная овуляция, когда на нее взгромождается самец.

Вскоре Корнер покинул Рочестер ради еще более престижного поста в Институте эмбриологии Карнеги в Балтиморе, где он оказал влияние на многих молодых исследователей. Примерно в то же время, после третьего курса обучения в медицинской школе, в 1942 году Мастерс получил приглашение от своего старого преподавателя из Балтимора присутствовать на его встречах с ведущими репродуктивными биологами США, которые посещали лабораторию Корнера.

Мастерс жадно впитывал их оживленные дискуссии и мечтал тоже оставить свой след в медицине. Однажды Карл Хартман, давний знакомец Корнера, который помогал создавать опытную лабораторию приматов Института Карнеги, рассказывал, как трудно ему было заставить самку обезьяны заняться сексом с самцом. В конце концов обезьяна разозлилась на Хартмана и укусила его за большой палец. Размахивая укушенным пальцем, Хартман просил помочь ему решить эту проблему и вдруг обратился к молодому студенту-медику:

– Мастерс, когда я рассказывал о том, как пытался заставить эту самку спариваться, у вас был такой мечтательный вид – о чем вы думали?

Мастерс с тем же зачарованным выражением ученого-исследователя ответил:

– Я размышлял о человеческих самках. А что, если у женщин существует невыявленный циклический паттерн желания?

За обеденным столом воцарилось гробовое молчание. Сама идея ставить эксперименты на женщине, исследовать ее физиологию и сексуальную реакцию казалась гарантированной путевкой к профессиональному фиаско и, возможно, к аресту по уголовному обвинению. Никто не отваживался зайти дальше опытов на кроликах и обезьянах.

До конца своего пребывания в Балтиморе Мастерс советовался с Корнером и остальными специалистами, пытаясь понять, чем может быть чревато исследование женской сексуальности и как его осуществить. В конечном счете они пришли к списку из четырех пунктов: исследователь секса должен быть женатым мужчиной, возрастом ближе к сорока годам, обладающим солидной внешностью. («Лысина у меня появилась уже в 23 года, так что за этим дело не стало!» – саркастически замечал потом Мастерс.) И, самое главное, этот отважный ученый должен показать себя как талантливый исследователь в родственной медицинской сфере и опираться на институциональную поддержку какого-нибудь университета, предпочтительно его медицинского факультета.

В отличие от этих маститых ученых родом из викторианской эпохи, Мастерс видел себя врачом современных взглядов. Тем не менее он собирался последовать их совету. Имея долгосрочный план, Билл вернулся в Рочестер, чтобы завершить последний год учебы в медицинской школе, гадая, где ему проходить интернатуру – на поприще психиатрии или в сфере акушерства и гинекологии.

Элизабет Эллис терпеливо ждала дня, когда она выйдет замуж за Билла Мастерса. С того вечера, когда они танцевали на вечеринке в их первый год учебы в Гамильтон-колледже, она знала, что он – ее единственный избранник. Когда Мастерс уехал в медицинскую школу в Рочестер, а Элизабет работала секретарем на фабрике в Утике, штат Нью-Йорк, более чем в сотне миль от него, молодые люди продолжали изредка встречаться. Если она и знала о его страсти к Доди Бейкер, то не давала этого понять. Элизабет не беспокоило, что ее избранник может жениться на ней «на отскоке» – чтобы преодолеть одиночество и обиду, вызванную отказом другой женщины. Умный, спортивный и трудолюбивый Билл Мастерс был мужчиной,

на которого, как ей казалось, она могла рассчитывать, мужчиной, которого Элизабет Эллис искала всю свою жизнь.

Бетти Эллис – Либби или попросту Либ, как часто называл ее Билл, – любила и уважала его больше, чем любая другая женщина в его жизни. Ее нельзя было назвать красоткой от природы, но Бетти была стройной, миловидной молодой женщиной с сияющими глазами и полными губами, а ее темные кудрявые волосы всегда были тщательно уложены. Она одевалась, насколько позволял ее скромный достаток, достаточно хорошо, чтобы выглядеть так, будто она только что сошла с рекламы шикарного универмага. Либби была достойной молодой леди, которая годится в докторские жены. Аддисон Уордвелл, приятель Билла по студенческому братству в Гамильтоне, говорил, что чувство привязанности между ними было взаимным. Годы спустя Билл описывал суть своих отношений с Либби не как романтическое чувство, а, скорее, как две объединенные судьбы. «Чем больше мы виделись, тем сильнее ощущали, что нас ждет важное общее будущее».

Гамильтон-колледж строго ограничивал общение со «слабым полом», как именовали женщин образованные джентльмены. Танцы в Альфа-Дельта-Фи устраивались только дважды в год. Мужчины на втором этаже здания уступали свои комнаты юным леди, которые оставались ночевать под надзором добровольной гвардии дуэний. Несомненно, Билла привлекала идея встречаться в парке с девушкой-студенткой вроде Либби, целоваться и ласкаться в лунном свете среди цветущих деревьев, вдали от взглядов строгого воспитателя.

Задолго до того как Элизабет Эллис познакомилась с Биллом Мастерсом она испытала немало разочарований и сердечных травм. Ее мать умерла, когда Либби было около десяти лет. От этого удара Либби и оставшиеся члены семьи Эллис так и не оправились. Вскоре исчез отец семейства Гай Эллис. Без всякого предупреждения он снялся с места и пропал – как не было. Он попросту бросил Либби и двух ее сестер, Марджори и Вирджинию, и отправился во Флориду, в теплые края, столь гостеприимные для мужчины, бегущего от своих обязанностей. Так отец стал для Либби фантомом, утраченным навсегда.

Либби и ее сестры переехали жить в семью дяди Стива – богатого и доброго соседа – и его жены. Они не были девочкам родственниками, но сжалились над детьми и нашли для них место в своем доме. Еще до того как Элизабет окончила школу, Великая депрессия принесла новые трагедии ей и ее новым родителям. Значительное состояние дяди Стива рухнуло вместе с экономикой, что привело его к самоубийству. Пережив крах и родной, и приемной семей, Либби мечтала встретить мужчину, который умел бы держать удары судьбы.

После почти пяти лет ожидания, перед четвертым курсом обучения в Рочестере, Мастерс, наконец, женился на Либби. Скромная церемония прошла в Детройте, единственном месте, которое она могла называть своим домом. «Он говорил ей, не готов к серьезным отношениям, потому что ему предстоит еще немало учиться и работать, чтобы сделать себе имя, – вспоминал двоюродный брат Либби Таунсенд Фостер-младший. – Но она уже и так слишком долго ждала, и они поженились».

Молодожены сняли маленькую квартирку, от которой можно было пешком дойти до Рочестерской медицинской школы и больницы. «Денег не хватало, но мы были довольны и счастливы», – вспоминал Мастерс. Получив диплом, он решил пройти больничную подготовку в области акушерства и гинекологии, чтобы понимать анатомию и физиологию человеческой репродуктивной системы. Честно говоря, он не рассчитывал узнать что-нибудь новое о сексе в этой консервативной специальности.

И тут Мастерсу повезло. Прежний наставник, доктор Корнер, помог ему получить интернатуру у Уилларда Аллена, одного из лучших репродуктивных эндокринологов в стране. Аллен и Корнер вместе открыли гормон прогестерон, преобладающий во время овуляции и беременности, выделив его из желтого тела (временной железы, образующейся из гранулезных клеток фолликула яичника во время менструального цикла) крольчих. Доказательство того, что

в организме существует не один половой гормон (ранее был известен только эстроген), подняло репутацию Аллена на недостижимые академические высоты, где уже парил доктор Корнер. Аллен был блестящим и умелым хирургом и одним из самых молодых заведующих кафедрой.

К лету 1943 года Билл и Либби Мастерс переехали в Сент-Луис, где молодые супруги планировали начать новую жизнь и завести детей. Корнер не просто содействовал карьере Мастерса; он дал ему «добро» на изучение неведомых закоулков человеческой сексуальности. Теперь Билл Мастерс был уверен, что убедит в ценности своих исследований весь мир.

Глава шестая

Эксперт по рождаемости

Молодая женщина на операционном столе уже потеряла плод и умирала, лежа в луже крови. У нее не прекращалось кровотечение из-за *placenta percreta* – редкого катастрофического заболевания, когда плацента проникает сквозь стенку матки в другие органы и лишает ребенка жизненно важных питательных веществ. Три молодых врача на четвертом этаже «Клиники материнства» не могли спасти больную, как ни старались. Они сделали кесарево сечение, чтобы удалить остатки плаценты. Кровотечение не прекращалось. Врачи понимали, что, если им не удастся срочно что-то придумать, женщина умрет у них на руках.

«Это был самый тяжелый случай в моей жизни», – вспоминал Эрнст Фридрих, который в ту ночь был дежурным врачом.

Отчаянный звонок раздался в кабинете дежурного преподавателя медицинской школы Вашингтонского университета поздно вечером накануне Рождества. «Он сбросил пальто прямо в коридоре, натянул форму и направился в операционную, – вспоминал Фридрих. – Доктор Мастерс сразу увидел, в чем проблема, и понял, что надо делать. Он ничего не обсуждал, не медлил ни секунды. Он сделал то, что было необходимо, и вытащил нас из беды».

Мастерс спас женщине жизнь исключительно благодаря профессиональному владению скальпелем, своему пониманию сложного устройства женской репродуктивной системы и решительности. Его медицинская репутация формировалась такими героическими актами, как эта виртуозная операция.

К 1950 году Мастерс провел всю необходимую подготовку для изучения человеческой сексуальности. Назначенный ассистентом профессора акушерства и гинекологии в Вашингтонском университете он стал вторым лицом на факультете – после Уилларда Аллена. Они с Либби переехали в уютный домик в Клейтоне, потом в дом побольше в Лейдью, богатом предместье Сент-Луиса. Мастерс составил себе завидную практику из богатых пациентов, бесконечно благодарных ему за каждую проведенную беременность, роды и успешные роды.

Билл сохранил крепкую и подтянутую фигуру; каждое утро перед работой он совершал пробежку. Он носил жесткие накрахмаленные сорочки и всегда надевал к ним галстук-бабочку. Его косящий взгляд казался признаком отстраненности от окружающих, свойственной настоящему ученому. На занятиях его нелегко было заставить улыбнуться. Подросток, который когда-то был настолько не уверен в себе, что отказывался приезжать в родительский дом, раскрылся, явившись на свет из тугого кокона замкнутости.

«Он был ужасным гордецом, и вся его одежда была сшита на заказ, – вспоминал доктор Френсис Райли, его помощник. – Он менял свой белый халат дважды в день и пользовался только белыми шариковыми ручками». Некоторые считали Мастерса слишком высокомерным, но никому не хватало духу сказать ему это в лицо. «Он ставил себя выше других не только как врач, но и как личность, – говорил Юджин Ренци, еще один постоянный сотрудник отделения акушерства и гинекологии в 1950-х годах. – У него было огромное самомнение». Коллеги помнили стильную черную спортивную машину-кабриолет, на которой Мастерс разъезжал по кампусу. Когда шел дождь, он не поднимал верх машины, а только закутывался в брезент.

В конце пятницы преподаватели кафедры акушерства и гинекологии Вашингтонского университета и врачи-ординаторы собирались для обсуждения хирургических методов и ведения клинических случаев. На эти откровенные дискуссии не допускались ни медсестры, ни студенты-медики. Мастерс обожал вносить сумятицу в эти встречи, играя роль «адвоката дьявола». «Он, бывало, встанет и говорит: «Нет, я сделал бы это *так-то и так-то*», – просто, чтобы показать, что в медицине существует не один способ действия», – говорил Марвин Рен-

нард, еще один бывший сотрудник. Мастерс бросал вызов медицинской ортодоксии так, как это мог сделать только превосходный врач-практик. Он был мостиком между двумя эпохами».

Однажды в пятницу ярые дебаты разгорелись вокруг кесарева сечения, поскольку за полгода их количество подскочило с трех до шести процентов всех случаев. В начале 1950-х годов большинство акушеров полагались исключительно на вагинальные роды, независимо от того, как долго длились схватки у матери. Старшие профессора, проходившие подготовку в 1930-х годах – когда еще не было пенициллина и банков переливания крови и анестезия могла привести к катастрофе, – предостерегали своих молодых подчиненных, чтобы те не очень-то «размахивали скальпелем». Врачи по очереди рассказывали о том, как у них получалось «справиться» с женщиной, вынесшей более суток схваток. Наконец, кто-то спросил:

– Доктор Мастерс, а что сделали бы вы?

Мастерс ответил кривой усмешкой и краткой репликой:

– У меня не возникло бы такой проблемы. Я бы сделал ей сечение *задолго до этого*.

Мастерс не был на факультете «своим парнем»; он не ходил с коллегами в бар или на воскресные гольф-матчи. Он проводил все время в «Клинике материнства». Если пациентка опаздывала на прием более чем на десять минут, Мастерс отказывался ее принимать. Ей приходилось заново записываться, а если она опаздывала и во второй раз, он больше никогда не имел с ней дела. Будучи экспертом в новой сфере рождаемости, Мастерс настаивал, чтобы женщины приводили с собой мужей.

Но несмотря на внешнюю суровость, Мастерс был очень внимателен к женщинам, таким уязвимым перед несправедливостями жизни. Майк Фрайман, врач-практикант, однажды вошел в смотровую, где Мастерс проводил рутинный осмотр пожилой негритянки. В то время еще сохранялась расовая сегрегация, и в «Клинике материнства» имелся собственный «черный» этаж, где проходили лечение цветные женщины и их малыши. Крохотной худенькой старушке-вдове было за восемьдесят. Под конец приема Мастерс спросил:

– Когда у вас в последний раз был сексуальный контакт?

Старушка подняла голову и улыбнулась легкой, почти благодарной улыбкой.

– Ах, доктор Мастерс, – ответила она, – в моем возрасте нелегко найти себе хорошего друга.

«Это было очень ценно для меня, – вспоминал Фрайман. – Задавая свой вопрос, он признал в ней сексуальную и все еще привлекательную женщину».

К середине 1950-х годов Мастерс стал одним из первых в США врачей, использовавших при родах каудальную анестезию – местный анестетик для каудального канала, расположенного в самой нижней части позвоночника. Это позволяло избежать риска, что беременная потеряет сознание при эфирной или общей анестезии. В 1955 году Мастерс и Уиллард Аллен написали для Американского журнала акушерства и гинекологии (*American Journal of Obstetrics and Gynecology*) статью о новом оперативном методе, который мог помочь тысячам женщин, страдающих от болей в области таза. Это состояние стало известно как «синдром Аллена-Мастерса», и со временем, по мере того как Мастерс обретал известность, их фамилии в названии начали менять местами.

Мастерс отважно выступал в защиту новых хирургических решений самых безнадежных случаев, например создания искусственного влагалища для женщин, у которых оно отсутствовало от природы. Он провел семь таких операций – и на этих примерах особенно остро осознал, как сильно половая функция может влиять на психическое здоровье пациентки. Доктор Марвин Гроуди, преподаватель медицинской школы, вспоминал одну девушку-подростка, которой Мастерс сделал искусственное влагалище. Она была так благодарна, словно ей подарили новую жизнь. «Эта пациентка не могла иметь детей, – вспоминал Гроуди, – но теперь получила возможность наслаждаться соитием».

Уиллард Аллен стал идеальным покровителем для исследований Мастерса в области половых гормонов, рождаемости и основы всего этого – половой жизни. Работая в «Клинике материнства», Аллен соглашался стерилизовать женщин путем перевязки труб (при условии, что она родила «достаточно детей», с согласия мужа и при приемлемых данных анализа крови). Через десятки лет перевязка труб стала обычной операцией, но в те времена подход Аллена поражал как сотрудников, так и пациенток.

Поначалу Мастерс присоединился к Аллену в изучении терапии гормонозамещения, выясняя, как возвращение эстрогена и прогестерона в организм пожилой женщины помогает избежать трудностей в постменопаузе. Многих удивляло, как два столь разных человека могут быть близкими друзьями. Уиллард Аллен обладал легким и необидчивым характером. Билл Мастерс был очень талантливым врачом, и пациентки буквально молились на него. Но его нельзя было назвать общительным и веселым.

К 1953-му, своему десятому году в Вашингтонском университете, Мастерс все сосредоточился на проблеме рождаемости, помогая супружеским парам с зачатием. Он учредил в «Клинике материнства» исследовательскую программу по бесплодию и создал один из первых в США банков спермы. Гарвард, Колумбийский университет и несколько других учебно-лечебных медицинских учреждений в стране проводили похожие операции, но ни одно из них не продвинулось дальше, чем Вашингтонский университет. Отчаявшиеся зачать ребенка люди считали знания и умения Мастерса даром Божиим.

У Доди Бродхед были трудности с зачатием, а у ее мужа – низкий уровень жизнеспособных сперматозоидов в сперме. В программе «Службы бесплодия» первый сеанс для таких пар начинался с урока о сексе. «Меня удивляло, насколько мало люди знают о начале беременности, – вспоминал Фрайман, в те времена младший коллега Мастерса. – Он помогал женщинам понять, в какой момент они с наибольшей вероятностью способны зачать и как при этом должны вести себя мужчины».

В те времена такое лечение сопровождалось определенными социальными стигматами. Ходили шутки, что мужчины – пациенты Билла Мастерса надевают на головы бумажные пакеты, чтобы их не узнали. Но большинство пар готовы были делиться подробностями своей интимной жизни, надеясь на успех в игре, где ставкой было рождение ребенка.

Мастерс назначал прием на точное время и в очень конфиденциальной обстановке, чтобы пациенты не видели друг друга. Если не получалось добиться быстрого результата, супруги проходили через ряд процедур, разработанных для увеличения их шансов. Этот список включал самые разнообразные маневры: женщины сдавали вагинальные мазки, чтобы оптимизировать время возникновения овуляции, а мужья собирали биологический материал либо путем мастурбации, либо в презерватив и приносили образцы своей спермы в бумажных пакетиках, словно школьный обед.

Для женщин, вышедших замуж за бесплодных мужчин, предпочтительными донорами банка спермы были студенты-медики. С донорским оплодотворением эффективность колебалась в районе 90 процентов.

По мере того как слава Мастера росла, пациентки стали прибывать со всех концов страны и даже из-за границы. Доди Бродхед вспоминала, как однажды она долго ждала в смотровой, пока, наконец, не появился Мастерс, извиняющийся и расстроенный. Доди, на правах подруги Либби Мастерс, спросила, что случилось.

– У меня здесь была милейшая женщина, и мне пришлось объявить ей, что она бесплодна и ничего нельзя сделать, – признался Мастерс. Он сказал, что муж этой женщины пошел бы на что угодно, чтобы иметь сына. Потом, помолчав, добавил: – Это особенно печально, потому что она – супруга шаха Ирана и просто обязана родить наследника.

Бродхед приняла это за красивую выдумку, но несколько месяцев спустя прочла в газетах о печальной судьбе принцессы Сорайи Эсфандияри Бахтияри, жены иранского шаха Мохаммеда Резы Пехлеви. У их союза было одно негласное условие: Сорайя должна была произвести на свет сына. Однако эти двое искренне полюбили друг друга. Первой женой шаха была египетская принцесса, это был брак без любви, организованный их семьями, и в результате его на свет появилась дочь, но наследника мужского пола так и не было. Сорайя не могла забеременеть. Между тем политики и религиозные лидеры Ирана настаивали, чтобы шах произвел на свет сына, способного когда-нибудь возглавить страну и поддержать политическую стабильность. Их настойчивость усилилась после неудавшейся попытки убить дружественного Америке монарха.

Во время поездки в Соединенные Штаты супруга шаха встречалась с ведущими экспертами по рождаемости, надеясь найти решение проблемы. Один врач предложил ей неопробованную хирургическую операцию, в конечном счете отвергнутую как слишком рискованную. Мастерс не обещал никакого чудесного исцеления. Изучив рентгеновские снимки фаллопиевых труб Сорайи, он сразу убедился в безнадежности случая. В 1958 году шах развелся со своей единственной любовью, полагая, что так спасает свой трон. Долгие годы, вплоть до исламской революции, личные врачи Резы Пехлеви приезжали учиться к Мастерсу.

Как-то на вечеринке у одного из соседей Мастерс признался Доди, что его главная цель – изучение самого секса.

– Люди едут к вам лечиться со всего мира – почему же вы переключаетесь на столь сомнительную тему? – спросила ошарашенная Доди.

– Я хочу совершить открытие, – без обиняков ответил Мастерс. – Я хочу, чтобы мое имя вошло в историю.

Глава седьмая

Примерная жена

«Величайшее из всех проклятий – проклятие бесплодия, и суровейшего осуждения из всех заслуживает бесплодие добровольное. Первая жизненная необходимость любой цивилизации состоит в том, что мужчина и женщина должны быть отцом и матерью здоровых детей, чтобы их раса прирастала, а не сокращалась».

Теодор Рузвельт

Как радовалась Мардж Фостер, когда по соседству поселились Мастерсы! Она была знакома с Бетти еще с юных дней, проведенных в Мичигане, к тому же они состояли в некотором родстве. Мардж была невесткой старшей сестры Бетти Марджори. Их мужья, Торри и Таунсенд Фостеры, были братьями. Она считала Бетти своей давней подругой и замечательной женой для Билла, уважаемого университетского врача. У Бетти и Билла в жизни было все, кроме детей.

Мастерсы производили впечатление «сливок общества», и его поддерживали богатые подруги Бетти из епископальной церкви св. Петра в Лейдью. Пациенты Билла казались персонажами из салонной пьесы – обеспеченные женщины из Сент-Луиса, которым нравился эксцентричный доктор с галстуком-бабочкой. Из подруг и знакомых своей жены, из местных клубов, частных школ и «сарафанного радио» в среде высшего класса Билл создал достаточно обширную практику, чтобы впоследствии направлять пациенток своему младшему коллеге, доктору Мартину. Спустя несколько месяцев Мартин попросил у Билла консультацию по теме, по которой эти пациентки всегда хотели получить совет, – речь шла о сексе.

– Билл, все эти леди из высшего общества несчастливы в браке, – пожаловался Мартин, одновременно расстроенный и озадаченный.

Мастерс улыбнулся ему, как профессор студенту.

– Просто говорите им: «Мне ужасно жаль, что вы несчастливы в браке. У вас есть три варианта: оставить все, как есть, получить развод или завести любовника. Спасибо, что пришли, оставьте деньги моей помощнице», – объяснил он.

Мартин усвоил эту мантру от Мастерса, своего наставника, как евангельское откровение.

В первое время Элизабет Мастерс работала секретаршей у доктора Отто Шварца, пожилого врача, который был главой отделения акушерства и гинекологии Вашингтонского университета до Уилларда Аллена. Во время университетских каникул они приглашали к себе соседей, друзей и коллег из медицинской школы, в том числе и подчиненных Билла. Они выглядели идеальной парой. Была только одна проблема: супруги Мастерс никак не могли добиться беременности.

Впоследствии Мастерс никогда не упоминал о трудностях с рождением детей в его собственном браке. Однако в разговорах с Вирджинией Джонсон Билл предположил, что проблема в репродуктивной системе Либби. Он объяснил, что кислотный «летальный фактор» во влагалище Либби убивал его сперму, и только благодаря его научной работе у Мастерсов в конечном счете родилось двое детей. Дочь по имени Сара, или Салли Мастерс, родилась в 1950 году, а сын Уильям Хауэлл Мастерс-младший – на следующий год. Это было наградой Биллу за его работу над бесплодием.

Мастерс разработал «колпачковый» метод, применив его одним из первых. Его сперма собиралась в пластиковый «колпачок», затем вводилась через влагалище Либби в шейку матки и благополучно оказывалась в фаллопиевых трубах. Эта мифическая версия происхождения

двух детей Мастерса – сказка, которую Билл по секрету рассказал Вирджинии, – отлично вписывалась в его репутацию эксперта по рождаемости.

На самом деле Элизабет не могла забеременеть потому, что у Билла Мастерса была олигоспермия – низкое число сперматозоидов. Признаться в этом Билл не мог – это стало бы брешью в старательно выстроенной броне его мужественности. Мужчинам, подобным Биллу Мастерсу, не полагалось иметь сложностей с потенцией. Кроме того, Билл опасался, что его бесплодие может повлиять на его статус в университетской клинике. Поэтому он решил либо не говорить никому ничего, либо создавать некую вариацию истины.

Либби Мастерс хотела стать матерью и покорно доверилась мужу. Как и другие пары, мечтающие о ребенке, они терпели унижения и грубые, похожие на кулинарные рецепты методы искусственного оплодотворения, которые тогда были в ходу в американской медицине. В медицинском школе с каждой парой обсуждали, *когда, как часто и как именно* надо совершать половой акт, чтобы получить оптимальные шансы на зачатие. Мастерс предлагал супругам «шахматное коитальное расписание», в котором эпизоды секса были отделены друг от друга примерно 36 часами – обычно на двенадцатую ночь, четырнадцатое утро и пятнадцатую ночь в пределах нормального женского 28-суточного менструального цикла. «Мужчине часто требуется от 30 до 40 часов, чтобы число сперматозоидов вернулось к нормальному», – говорил он. Мастерс советовал каждой женщине для начала расслабиться, лежа на спине и подложив подушку под бедра. Когда мужчина приближается к «стадии эякуляционной неизбежности», Мастерс рекомендовал резкий и решительный финиш. «Он должен совершить максимально возможное вагинальное проникновение, остановить процесс коитальных фрикций, удерживать пенис в глубине влагалища, эякулировать, а затем вынуть его немедленно», – наставлял Мастерс. Никакого промедления и ожидания «волшебного момента». Секс в этом сценарии напоминал финальный взмах шпаги в бою или накачивание шины насосом, а не проявление нежности. После слияния женщине следовало согнуть ноги в коленях, поджать их к груди и оставаться в такой позе около часа, чтобы ни капли драгоценных выделений не ускользнуло из влагалищного канала.

Но неважно, насколько унижительным казались эти указания, ведь они помогали создать чудо жизни. Маленькие лекции Мастерса творили чудеса. После лекции об основах секса один из восьми случаев приводил к беременности не позже, чем через три месяца.

Случай Мастерса был сложнее и безнадежнее чем большинство других. Сноска в статье *ЖАМА* описывала «Э.М.» и ее мужа как «пару, проходившую интенсивное лечение по поводу семилетней проблемы бесплодия с выраженной олигоспермией и дважды достигшую зачатия путем применения колпачка». На самом деле, шансов у них было немного. Из 14 пар, которые перенесли более трех лет стерильности, лишь пять в конечном итоге зачали.

Со статистической точки зрения Мастерсам повезло. В их семье муж был врачом и умел пользоваться колпачком в домашних условиях, вместо того чтобы приезжать в больничную клинику. Можно представить себе, как клиническая атмосфера тормозила восприимчивость женщины, жаждущей забеременеть, да еще в присутствии мужа, нетерпеливо ждущего результатов, и врача в резиновых перчатках!

Мастерс стал более сочувственно относиться к своим пациенткам, познав на собственном опыте отчаянное стремление иметь ребенка. Он не предлагал им никаких средств, которые они с Либби не испробовали дома. Он разработал план совместного собеседования с парой, а также отдельных бесед с каждым из партнеров – формат, который он позднее усовершенствовал как исследователь секса.

Либби Мастерс послушно исполняла супружеский долг, соглашаясь на все средства, которые изобретал ее муж. Она мирилась с пластиковыми колпачками, специальными вымачивающими растворами и резиновыми перчатками. Она часами лежала на спине, подняв вверх колени и соглашалась, чтобы ее личный опыт был использован в статьях мужа. Но как только

родились двое детей Мастерса – плод их долгих странствий по пустыне бесплодия – Либби решила, что с нее хватит медицины.

Она оставила секретарскую работу в университете и сообщила Биллу, что больше не сможет помогать ему в исследованиях. Теперь ее долг – быть дома и растить детей.

Глава восьмая

Академическая свобода

«Только путем истины человек может наращивать силу. Как говорит об этом университетский девиз, Per veritatem vis⁴».

Этан Шепли

В 1954 году Этан Шепли победил на выборах ректора. Этот человек всегда поощрял академическую свободу и исследования. Он создал для Билла Мастерса идеальные условия.

Мастерсу было почти сорок лет, и он уже целое десятилетие преподавал в медицинской школе Вашингтонского университета. Его работа в области изучения гормонов и бесплодия была великолепна, его хирургические навыки – безупречны, а академическая репутация в сфере акушерства и гинекологии могла сравниться только с репутацией Уилларда Аллена, главы кафедры. Настала пора осуществить обширное исследование физиологии человеческой сексуальности реакции.

Альфред Кинси из Индианского университета в 1948 году опубликовал книгу о сексуальном поведении мужчин, а потом, в 1953 году, и вторую – о женщинах. Он собрал 18 тысяч личных историй, но Мастерс предлагал иной подход – напрямую наблюдать за функционированием человеческого тела во время секса. Из своих собеседований с бесплодными парами Мастерс знал, что люди далеко не всегда говорят правду о сексе. Единственная информация, которой может доверять ученый, поступает из клинического наблюдения.

Как акушеры-гинекологи Аллен и Мастерс видели в женской сексуальности анатомическую «подкладку» своей специальности, реальность, с которой врачи-практики были вынуждены смириться, но отказывались ее исследовать. Традиции, табу и карательный характер законодательства препятствовали такого рода исследованиям. Аллен предостерегал Мастерса относительно возможных последствий: «Вы можете совершить профессиональное самоубийство, занявшись этой работой».

Выслушав зажигательную речь Мастерса, ректор Шепли согласился донести его идею до совета попечителей. Хорошо знакомый с консервативными нравами своего родного Сент-Луиса ректор рассказал совету самое необходимое, без подробностей, и заверил, что Билл Мастерс заслуживает поддержки. Чиновники Вашингтонского университета «были в ужасе...», но если бы они знали, что мы собираемся делать, их ужас был бы еще сильнее», – вспоминал Мастерс.

26 июня 1954 года Мастерс получил разрешение на свое исследование. Он чувствовал себя окрыленным. Ему представился шанс, наконец, делать то, к чему он готовился всю свою карьеру. Однако его счастье было неполным. Шепли объяснил, что попечители нервничают, боясь потерять важные для университета пожертвования бывших питомцев, если просочится новость о том, что Мастерс занимается исследованиями секса. Ему предстояло найти собственные источники финансирования, держать всю программу в строгом секрете и регулярно информировать ректора о своих будущих действиях.

Шесть недель спустя Мастерс впервые отчитался перед ректором. В это время – в августе 1954 года – Альфред Кинси умер от сердечного приступа. Перед Мастерсом открылась прямая дорога к тому, чтобы стать новым первопроходцем в исследованиях секса.

Получив одобрение ректора, Мастерс отправился в библиотеку медицинской школы. Но во всем Вашингтонском университете он сумел найти лишь одну работу по половому функ-

⁴ В правде сила (лат.).

ционированию. Этот учебник был написан бывшим главой отделения акушерства и гинекологии Иллинойского университета, который, как узнал Мастерс, опубликовал его только после выхода на пенсию. В университете эту книгу держали в резервном фонде. Мало того, Мастерс даже не имел права ее увидеть.

В учебнике содержались наброски мужских и женских гениталий, которые, как опасалось начальство библиотеки, могли считаться порнографическими. Только полноправные профессора, главы факультетов и библиотекари могли взять эту книгу. Мастерсу пришлось просить об этом Уилларда Аллена.

На протяжении столетий все разговоры о сексе были сосредоточены на продолжении рода, а его единственной целью считалось приумножение семьи, племени или нации. Хотя религии, философии и политические трактаты определяли любовь между мужчиной и женщиной как краеугольный камень цивилизованной культуры, а часто и смысл самой жизни, лишь единицы в медицинской сфере изучали их базовые основы. Начиная со времен древнегреческого врача Гиппократ, «патриарха медицины», человеческая сексуальность оставалась сферой игнорируемой и демонизируемой.

Однако у каждого мыслителя была своя теория в отношении секса. Платон проводил различие между «вульгарной» похотью и благородной «небесной» формой эроса. Гиппократ, будучи врачом, выдвигал гипотезу о том, что и мужчины, и женщины производят семя, исходящее из позвоночника, а половая принадлежность ребенка определяется доминантным семенем одного из родителей. Греки перевязывали левое или правое яичко, полагая, что это решит вопрос пола будущего ребенка. Аристотель представлял себе процесс так: мужское семя пробуждает самого крохотного из младенцев, уже сформированного и спящего в женщине. В соответствии с преобладавшими научными воззрениями своей эпохи он советовал парам, прежде чем возлечь на супружеское ложе, свериться с погодой. «Большинство мужчин рождается, если зачатие происходит, когда дуют северные, а не южные ветры», – писал он.

В эпоху Возрождения Леонардо да Винчи проиллюстрировал анатомические изменения пола и беременности, сделав это с таким реализмом, что их потом еще много лет воспроизводили в лучших медицинских учебниках. Несомненно, даже самому целомудренному зрителю чувственные, плотские образы работ Микеланджело, Боттичелли, Рубенса и других великих художников Западной Европы намекали на сочетание наслаждения и продолжения рода в половой любви. Но даже в эту цветущую эпоху медицина оставалась пленницей политических и религиозных диктатур, которые строго следили за сексом вне официального брака. После беспутной юности, описанной в его автобиографической «Исповеди», кающийся св. Августин оказал влияние на учение церкви о сексе, способном нести зло даже состоящим в браке супругам.

Тема секса неизменно всплывала в дебатах о месте и роли женщины в обществе. Проклятиям янсенистов во Франции – с их предположениями о том, что Французская революция была подстегнута безудержными сексуальными побуждениями – вторили кальвинисты в Англии и пуритане. В Новом Свете велась охота на ведьм – бездетных женщин, чье бесплодие, как полагали, было вызвано дьявольскими кознями. Даже Мартин Лютер, великий протестантский реформатор, рассматривал женщин как низших существ, пассивные вместилища греховных мужских вождений.

На заре индустриальной эпохи массовая миграция в города подарила людям больше времени для досуга. Экономический импульс к сексу ради производства новых рабочих рук стал утрачивать силу. Изменилась природа семейной жизни. Возникло женское движение за равенство, в общественном сознании укоренялись и другие прогрессивные концепции, например детство, свободное от тяжелого ручного труда. Медицина все больше фокусировалась на человеческом теле, а не на небесной душе. Джон Хантер – врач, которому часто приписывают внед-

рение основ современной хирургии – одним из первых отверг распространенное представление о том, что мастурбация может вести к импотенции. Готовый проводить вскрытие трупов, извлеченных из могил, Хантер изучал внутренние органы репродуктивной системы. Согласно биографической легенде он первый провел успешное искусственное оплодотворение и провел на себе эксперимент по анализу на сифилис и гонорею.

Наряду с профессиональными врачами многочисленные доктора-шарлатаны предлагали «целительные» средства от любых сексуальных проблем. Шотландец Джеймс Грэм утверждал, что избавил герцогиню Девонширскую от бесплодия. Ее благодарность помогла профинансировать загородный приют Грэма «Храм здоровья». За сумму, в переводе на сегодняшние деньги составлявшую 50 тысяч долларов, богатейшие пары Британии могли провести ночь восторгов в вибрирующей «небесной постели» – устройстве, в котором «безжизненное просто обязано стать плодоносным, когда оно столь мощно взволновано восторгами любви», как гарантировал Грэм.

Склонность американцев переплетать вопросы секса с теократическими воззрениями придала полигамным мормонам храбрости искать убежища в Солт-Лейк-Сити – городе, где они могли постоять друг за друга и жениться между собой. Эта же движущая сила подвигла Джона Хамфри Нойеса учредить колонию «свободной любви» под названием Онеида в северной части штата Нью-Йорк в 1840-х годах, основываясь на идеалах «христианского коммунизма», евгеники и обобществления жен. В Нью-Йорке Энтони Комсток развязал свой крестовый поход против греха и порока, полный решимости изгнать все признаки непристойности из библиотек, почтовых отправок и театра. Некоторые первые феминистки, в особенности Виктория Вудхалл, защищали половое равенство так же, как избирательное право для женщин.

На рубеже XX столетия медицина мало интересовалась половой жизнью пациентов, в особенности женщин. В 1900 году некий врач написал статью о сексуальной реакции взрослых женщин, но редактор Журнала Американской медицинской ассоциации отверг ее. В 1916 году Маргарет Сэнджер, которая работала медсестрой и повитухой, восстала против невозможности для женщин контролировать рождаемость и впоследствии возглавила организацию «Планируемое деторождение».

Осваивая богатства библиотеки, Билл Мастерс видел, что в сфере акушерства и гинекологии присутствует странное отвращение к вопросам секса. Мастерс подчеркнул цитату, найденную им в работе доктора Роберта Дикинсона, бывшего президента Американского гинекологического общества, который писал в середине 1920-х годов: «Учитывая неисправимую привычку нашей расы вступать в брачные союзы, вполне разумно требовать, чтобы профилактическая медицина отводила место для небольшого раздела половой гигиены, который может сыграть свою роль, придав определенным процессам любви и зачатия некоторое достоинство». Полный околичностей язык позволил доктору выступить в защиту недавно разработанных женских тампонов.

Мастерс не желал прибегать к эвфемизмам или окольным аргументам прошлого – для него это было вопросом профессиональной гордости. Он хотел знать истину о человеческой сексуальной физиологии. Получив одобрение Шепли, он счел своим долгом рассказать тому, что у него на уме.

Вначале Мастерс попросил годичный отпуск – ему необходимо будет часто отлучаться из Сент-Луиса. В ближайшие несколько месяцев он собирался опрашивать и обследовать проституток в Сент-Луисе и других городах страны. Ректор побледнел и, запинаясь, переспросил:

– Проституток... но зачем?!

– Они – единственные специалисты в вопросе секса, каких я могу найти, – ответил Мастерс.

Шепли, рыцарь академической свободы, не осмелился оспаривать это утверждение.

Глава девятая

Сквозь замочную скважину

Глава полиции Г. Сэм Прист прекрасно понимал, как праведные обитатели Сент-Луиса относятся к проституции. Он также знал, как относится к Биллу Мастерсу его жена.

У проституции в Сент-Луисе была отвратительная история. В 1850 году толпа горожан бурей пронеслась по всем городским борделям, утверждая стандарты общественного приличия. В последующие десятилетия законодательство Миссури считало проституцию тяжким уголовным преступлением. Нарушителей сажали в тюрьму, а дома терпимости закрылись навсегда. Однако Прист решил, что проститутки, которые будут помогать доктору Мастерсу в его исследовании, получают карт-бланш: никаких арестов, никаких полицейских рейдов.

В семье Приста Билла Мастерса любили – он помог появиться на свет их второму ребенку. Детективы Приста рекомендовали ему проститутку, готовых стать объектами изучения, и скрывали неаппетитные подробности от прессы.

Наряду с полицейским комиссаром в совет исследовательского проекта входили Ричард Амберг, издатель «Сент-Луис Глоб Демократ» (*St. Louis Globe-Democrat*; в те времена – одной из двух газет Сент-Луиса), архиепископ Миссури и старейший из раввинов Среднего Запада. Ректор Вашингтонского университета Этан Шепли был согласен с Мастерсом в том, что такие советники бесценны, если нужно предотвратить неприятности.

– А скажите-ка мне, Билл, какого дурака вы попросите возглавить этот совет? – поинтересовался Шепли.

– Сэр, я думал, что это можете быть вы, – отозвался Мастерс.

Шепли на пару мгновений застыл, как вкопанный, а потом принялся смеяться.

– Если у вас хватает духу проделать это со мной, – посмеиваясь, проговорил Шепли, – то у меня хватит духу присоединиться к вам в вашей авантюре.

Он рекомендовал Мастерсу обеспечить содействие католического сообщества – из-за его обширного представительства в Сент-Луисе.

В католической церкви Америки Джозеф Риттер был редкой птицей – либералом, которому удалось подняться на вершину. Став в 1946 году архиепископом, он приказал интегрировать приходские школы, в то время как многие общественные школы Миссури еще оставались сегрегированными. Мастерс пришел к Риттеру в середине 1950-х годов, когда о контроле рождаемости почти никто не говорил. Большинство прихожан приберегали упоминание о своих плотских грехах для исповедальни. На встрече с Мастерсом архиепископ приветствовал серьезные исследования стрессовых аспектов брака, не дающих супругам спокойно жить. Он сообщил, что не сможет принять официальный пост в консультативном совете Мастерса, но готов назначить туда священника, чтобы тот держал в курсе его канцелярию. Когда Мастерс собирался уходить, архиепископ обратился к нему со словами благодарности. «Некоторые исследовательские методы, которые вы описали, не могут быть одобрены католической церковью, – сказал он. – Зато католическая церковь весьма заинтересована в ваших результатах».

Имея в союзниках полицейского комиссара, архиепископа и ректора Вашингтонского университета, каждый из которых на свой лад свято верил в медицину, Мастерс, наконец, смог использовать проститутку в своих экспериментах.

Как и в других крупных американских городах, проститутки в Сент-Луисе воспринимались как источник общественного зла. Их мужчины-клиенты считались жертвами женских пороков (и никогда – собственных добровольных поступков), по незнанию заражавшимися туберкулезом и венерическими недугами, которые они несли в свои семьи. К 1950-м годам большинство ученых мужей и помыслить не могли о том, чтобы иметь дело с проститутками.

Этот мир уличных шлюх, домов терпимости и анонимных мужчин, жаждущих секса, стал лабораторией Мастерса. За первые 20 месяцев исследования он провел беседы со 118 проститутками женского и 27 мужского пола в Сент-Луисе и других городах. Он записывал их рассказы и истории болезней и не платил им за сотрудничество, хотя другие врачи утверждают, что проститутки получали компенсацию за потраченное время. Из этой группы он отобрал восемь женщин и троих мужчин для «анатомического и физиологического исследования» – наблюдения половых актов.

Их уличная откровенность разительно отличалась от скованности пациенток из среднего класса, которые приходили на гинекологическое обследование. Эти проститутки точно знали, что именно способно возбудить вялый пенис и стимулировать сухое влагалище, и как эти две части тела могут сочетаться с максимальной эффективностью. Они помогали ему в начальный период проб и ошибок, пока он решал, как регистрировать базовые анатомические аспекты секса.

Мастерс был поражен искренностью проституток, обсуждавших своих клиентов и собственные переживания. Многие из них в подростковом возрасте начинали заниматься сексом с разными партнерами в качестве платы за то, что их водили в кино или на другие общественные развлечения. Поскольку мужчины редко надевали презервативы, самой популярной формой контрацепции были диафрагмы, и многие женщины проходили стерилизацию.

Беседуя с мужчинами-проститутками, Мастерс часто догадывался, что ему лгут, особенно относительно «коитальной частоты и функциональной способности и эффективности». Мужчины утверждали, что обладают сексуальными способностями и мастерством, выходящими за рамки правдоподобия. Мастерс отказывался принимать таких подопытных в свое исследование; тем не менее эти беседы снабжали его детальной инсайдерской информацией.

Наблюдения в борделях обеспечили Мастерсу точку зрения, которую не могло дать ни одно собеседование. Полиция нравов пожертвовала для исследования конфискованные во время рейдов порнографические «мужские» фильмы, в которых секс был показан наглядно и довольно безрадостно. Но Мастерс объяснил, что ему необходимо наблюдать сексуальную функцию вживую, чтобы добиться объективности.

Скрываясь в тени, Мастерс отслеживал сексуальные призывы проституток и наблюдал, как реагировали на них мужчины. В домах терпимости он подглядывал сквозь замочную скважину или двойную систему зеркал. «Меня всегда интересовало, почему проститутка выбирает тот или иной подход к клиенту», – объяснял он, точно антрополог, исследующий некую неизвестную цивилизацию. Некоторые проститутки демонстрировали «откровенное безразличие», в то время как другие женщины прибегали к «очевидным попыткам стимулировать, поощрить и ублажить конкретного партнера». Все они непременно спрашивали клиентов: «Откуда ты родом?». Если клиент оказывался местным, куртизанки прилагали больше усилий, чтобы понравиться ему – это повышало шансы на повторные встречи.

Подглядывание было для Билла Мастерса мучительной, стрессовой ситуацией. Ему приходилось прижиматься глазом к замочной скважине или специальному отверстию, сидя в тесноте и духоте за стеной или в потайных нишах. «Это было самым асексуальным занятием, какое только можно представить», – рассказывал он впоследствии коллегам. Мастерс засекал продолжительность сексуального взаимодействия, моменты входа и выхода и даже частоту подсакивания участников на постели. Он представлял себе, как можно применять электрокардиограф, респираторные мониторы и другую доступную медицинскую аппаратуру для регистрации происходящих в организме изменений.

Между 1955 и 1956 годами Мастерс расширил область своих исследований до собеседований с «девушками по вызову» в других крупных городах Америки – Чикаго, Миннеаполисе и Новом Орлеане. Подготовительные мероприятия требовали полицейского моратория на аресты за неделю до визита Мастерса, в ту неделю, когда он проводил исследования, и еще

неделю спустя. В качестве платы за информацию Мастерс всегда предлагал провести медицинское обследование каждой из своих добровольных помощниц.

Но в конечном счете Мастерс понял, что проститутки не подходят для его целей. Эта выборка была слишком маленькой и нерепрезентативной для среднестатистической американки. К тому же проститутки часто страдали воспалительными заболеваниями и хроническими застойными явлениями таза, известными под названием синдрома Тейлора. Мастерс чувствовал, что не сможет сделать решительных утверждений о сексуальной реакции женщин, основываясь на этой атипичной выборке. Хуже того: если бы он признал в научной работе, что проводил свое исследование на проститутках, он столкнулся бы с «крайне отрицательной реакцией местного сообщества Сент-Луиса», и эта огненная буря наверняка привела бы к его профессиональному краху. Тем не менее Мастерс полагал, что «ночные бабочки» обеспечили его массой полезной информации и стоили каждой секунды, потраченной на них. «Расспросы женщин-участниц были весьма продуктивны, особенно для человека, который был, в сущности, мало знал о женской сексуальности», – признавал он впоследствии.

Эти ограничения врача-мужчины стали особенно очевидны, когда он беседовал с «очень привлекательной» выпускницей колледжа, интеллигентной, любознательной женщиной, которая получила диплом по биологии. Она стала клиническим волонтером в исследовании Мастерса и однажды высказала предположение, которое изменило все.

В смотровом кабинете «Клиники материнства» эта молодая женщина манипуляцией довела себя до неистовства («аутоманипуляция» – такой клинический термин использовал для этого Мастерс), а потом достигла кульминации – и все это регистрировалось и анализировалось приборами Мастерса. Во время последующей беседы они обсуждали не только поджатые пальцы на ее ногах и ощущение покалывания, но и глубочайшие эмоции во время секса. Женщина описала свои ощущения во время оргазма и сказала, что его успешность зависит от того, кто и чем выполняет стимуляцию.

– А что, если я его симулирую? – вдруг спросила она.

Мастерс ничего не понял.

– Этим я и зарабатываю на жизнь – *имитирую оргазмы*, – заявила она грубовато, словно объясняя ребенку, что Санта-Клауса не существует. Часто ее единственной целью в сексе было «сделать все побыстрее и заставить мужчину кончить, получить плату и отделаться от него».

– На самом деле вам нужна переводчица, если вы всерьез хотите проводить это исследование, – наставительно сказала она Мастерсу. – Вам стоит завести женщину-партнера.

Чем больше Мастерс обдумывал это предложение, тем осмысленнее оно ему казалось. Если он хотел понять «психосексуальные аспекты женской сексуальности» – *terra nova*⁵ медицинского исследования, ради которого он готов был рискнуть своей карьерой, то ему необходима партнерша и соратница.

Мастерс решил искать ассистентку, разместив безобидное объявление из разряда «требуется помощница» в отделе кадров Вашингтонского университета. После нескольких недель безуспешных собеседований, прямо перед Рождеством 1956 года, он, наконец, нашел ту, кого искал.

⁵ Новая земля (лат.).

Фаза вторая

Билл и Джини на диване

Глава десятая

Матрица

«Но совершать превращение надо по-научному, иначе последняя стадия обучения может оказаться безнадежнее первой».
Джордж Бернард Шоу, предисловие к «Пигмалиону»

В начале 1957 года Вирджиния Джонсон записывала имена, возраст и адреса пациентов, сидя за неуклюжим металлическим письменным столом на третьем этаже «Клиники материнства». Она казалась безымянной секретаршей, временно нанятой, чтобы разобраться с бумажными завалами.

Джонсон мечтала о карьере в социологии. С этим местом у нее было связано только одно желание – заработать деньги. Медицинский мир ее не привлекал.

Она сдружилась с медсестрами и спустя недолгое время уже знала всех главных деятелей кафедры акушерства и гинекологии Вашингтонского университета – Уилларда Аллена, главу кафедры, Альфреда Шермана, специалиста по гинекологической онкологии, и, разумеется, Уильяма Мастерса, который взял ее на работу.

Поначалу Джонсон обращала мало внимания на то, что происходило в кабинетах. Подруги говорили ей, что Мастерс – акушер-гинеколог, специализирующийся на рождаемости и гормональном замещении. Она понятия не имела о секретном эксперименте, который ставил этот университетский профессор, тайно рыскавший в поисках научной добычи по публичным домам. Мастерс ни словом не обмолвился об этом, когда брал Джонсон на работу. Не собиравшись он ничего говорить ей и четыре месяца спустя, когда Джонсон однажды встала из-за своего стола в коридоре, собираясь пойти пообедать.

Сандра Шерман, жена доктора Шермана, вспоминала Джонсон как темноволосую красотку, стильную штучку, чье присутствие ощущалось в любом помещении, где она находилась. Секретарш в те времена рассматривали как потенциальных охотниц за мужьями, использовавших свои хитрые уловки для разрушения счастливых домашних очагов. Ходили сплетни, что у нее были романы с некоторыми мужчинами на кафедре.

Самые близкие дружеские отношения сложились у Вирджинии с доктором Айрой Галлом, невысоким, энергичным молодым врачом. Их дневные смены в госпитале часто совпадали, и вскоре они стали приезжать на работу и с работы вдвоем. Сидя в «плимуте» 1948 года, принадлежавшем Айре, Вирджиния рассказывала ему о своей жизни, а он ей – о своих медицинских воззрениях, о внутренней механике клиники и об иерархии в Вашингтонском университете.

Однажды днем послеобеденная болтовня переключилась на секретное секс-исследование Мастерса, спровоцировав обычные шуточки. Джонсон улыбалась, но не принимала особого участия в общем веселье. Уже четыре месяца она составляла истории болезни пациенток, как велел ей Мастерс, и интимность некоторых вопросов вполне согласовывалась с тем, что она считала исследованием бесплодия. Но в тот день разговор в кафетерии раскрыл ей глаза.

В этот момент вошел Мастерс, одетый в свой белый лабораторный халат. Ему не потребовалось много времени, чтобы догадаться, что здесь обсуждают. Все уставились на Джонсон, ожидая ее реакции. Ни взглядом, ни мимикой она не выдала своих мыслей.

Мастерс считал своим долгом при всех объяснить ей, что истории болезней пациенток были частью исследования человеческой сексуальной реакции, и что некоторые женщины занимались сексом в целях клинического анализа. Ее это как-то задевает?

– Вовсе нет, – просто ответила Вирджиния. – Но зачем это нужно?

Другие мужчины ухмыльнулись, но Мастерс был очень доволен ее ответом. Это был голос дочки миссурийского фермера, которая видела на скотном дворе достаточно животной похоти, чтобы не удивляться похоти человеческой. В ее мире секс был давно отделен от любви, как это может быть только у разведенной женщины с двумя маленькими детьми. Она не смотрела на физическую близость ни с ужасом, ни с иллюзией блаженства. «Я воспринимала ее как нечто само собой разумеющееся, – вспоминала она свое представление о сексе до начала работы с Мастерсом. – Для меня она всегда была естественной потребностью. Она меня не шокировала».

Именно спокойная реакция Вирджинии стала решающим фактором в создании партнерства «Мастерс и Джонсон». Билл откровенно изложил причину, по которой выбрал ее: «Я мог иметь дело только с человеком, которому тема секса не причиняла дискомфорта», – объяснял он снисходительным тоном, словно он был профессором Генри Хиггинсом, а Вирджиния – Элизой Дулиттл из пьесы Джорджа Бернарда Шоу «Пигмалион». Ему досталась неподготовленная помощница, которая почти ничего не знала о теме его исследований; личность, которую Мастерс, казалось, вытесал из глыбы общественного невежества в области секса, отполировав и огранив ее по своему вкусу.

В идеале Мастерс предпочел бы женщину-врача, но такую кандидатку было слишком трудно найти. К тому же она потребовала бы равенства в партнерстве, контроля над критериями и нормами исследования и, вероятно, проявила бы более осторожное отношение делу, чем тот энтузиазм, который Джонсон демонстрировала изо дня в день.

Успех Мастерса и Джонсон коренился в их двойном подходе. Джонсон вскоре поняла, насколько велико ее значение в клинике. В присутствии обоих исследователей добровольцы чувствовали себя покойнее – оно создавало определенную благопристойность.

В конце концов Джонсон достаточно освоилась, чтобы спросить Мастерса, почему он не сделал своей партнершей жену. Билл сдержанно ответил, что у Либби не было для этого ни нужной подготовки, ни заинтересованности.

Что касается Джонсон, то тут он был уверен: она целиком разделяет его страстную преданность делу. Она осваивала тонкости анатомии, биологии и физиологии, чтобы свободно ориентироваться в теме исследования. Она работала без выходных и практически без отпусков, составляя бесчисленные медицинские истории и наблюдала один половой акт за другим. Казалось, она нашла свое жизненное призвание.

Не прошло и года с начала их совместной работы, как Вирджиния Джонсон получила приглашение на вечеринку в дом Мастерсов. Билл представил ее Либби, которая любезно, но недолго поговорила с ней. Джонсон смешалась с группой гостей, как вдруг к ней бросилась громогласная пожилая дама.

– Дайте-ка мне познакомиться с этой жемчужиной – *этой идеальной женщиной*, которую откопал Билл Мастерс! – воскликнула она на весь дом.

И Джонсон, и Мастерс были смущены. Своей жене и детям Мастерс сказал, что просто решил помочь Вирджинии, которая показалась ему трудолюбивой и искренней, хоть и невестучей в жизни.

Тем не менее Вирджиния стала бывать у Мастерсов, иногда с детьми, а однажды даже с родителями – Эшельманы переехали в Сент-Луис, и Билл пригласил всех на День благодарения. За столом Мастерс сказал Эдне Эшельман замечательный комплимент:

– Вы воспитали Вирджинию именно так, как *следовало бы* воспитывать женщин.

На самом деле причина была не только в исполнительности Джонсон. Ее действительно увлекло исследование, и она жаждала новых знаний. Мастерс даже брал ее с собой в операционную, чтобы она могла наглядно изучать основы анатомии. Она буквально глотала все выходящие работы о сексуальности. За год работы из безликой секретарши Вирджиния превратилась

в знающую, креативную ассистентку и даже помогла проекту получить небольшое финансирование от нью-йоркского фонда, спонсировавшего репродуктивные исследования. Поскольку Мастерс продолжал работать в клинике бесплодия и вести акушерско-гинекологическую практику, повседневными исследованиями в основном занималась Вирджиния. Она вносила в проект здравый смысл и навыки практической коммуникации, необходимые для его успеха. Фактически она стала равноправным партнером Мастерса.

Глава одиннадцатая

Эксперимент

Молодая женщина в белом банном халате вошла в смотровую. Ее голову и лицо закрывала обычная наволочка с прорезанными дырами для глаз. Женщина прошла босиком по голому полу кабинета, сбросила с себя халат и нагишом растянулась на мягком шезлонге. Ее поза была расслаблена, словно она уже не раз проделывала то же самое, только без глухого капюшона на голове.

Вид этой обнаженной волонтерши озадачил Пола Гебхарда, выпускника Гарварда и директора Института исследований секса имени Кинси. Несколько минут он обменивался с ней светскими любезностями, пока Мастерс и Джонсон возились с медицинскими приборами, проводами и измерительной техникой, собранными для регистрации ее сексуальной реакции.

Самым необычным предметом в комнате казался длинный пластиковый цилиндр, прикрепленный к небольшой камере. Он напоминал прозрачную кондитерскую скалку с оптическим глазком на конце.

Никто прежде не фотографировал внутренние органы женщины во время коитуса, не регистрировал женскую реакцию на введение и проникновение фаллоса. Новое приспособление использовало для освещения холодный свет и могло адаптироваться к физическим параметрам каждой женщины.

Перед началом эксперимента Джонсон принесла согретое влажное полотенце и на пару минут обернула его вокруг фаллоса. Только женщине могло прийти в голову позаботиться об этом.

К концу 1950-х годов большинство преподавателей и студентов университета смутно представляли себе, что происходит у Мастерса и Джонсон. Одним из немногих посторонних, допущенных к исследованию, был Гебхард, поскольку Мастерсу было важно его профессиональное одобрение. Гебхард унаследовал место своего начальника в Индианском университете Альфреда Кинси, который умер от сердечного приступа двумя годами ранее. Как писал еженедельник «Тайм» после кончины Кинси, «неизвестно, сумеют ли его сотрудники завершить запланированную серию исследований, которая, как он надеялся, освободит следующее поколение от непонимания и страхов, связанных с сексом».

В частных беседах Мастерс называл исследования секса, проведенные Кинси, смелыми, но не лишенными изъянов, поскольку тот опирался на воспоминания пациентов, а не на клиническое наблюдение. Мастерс полагал, что отсутствие у Кинси чисто медицинских исследований помешало ему найти точные ответы. Многие из волонтеров Кинси были заключенными тюрем, которых едва ли можно назвать привычной социальной средой для среднего американца.

Мастерс и Джонсон избрали медицинский подход, основанный на фактах, а не на туманных неточностях. В первой книге, опубликованной почти десятью годами позднее, они изложили суть своей исследовательской задачи:

Фундаментальные основы человеческого сексуального поведения не могут быть установлены до тех пор, пока нет ответа на два вопроса. Какие физические реакции возникают, когда мужчины и женщины реагируют на эффективную сексуальную стимуляцию? Почему мужчины и женщины ведут себя так, а не иначе? Если мы ставим цель лечить человеческую сексуальную неадекватность, медики и бихевиористы должны обеспечить ответы на эти основополагающие вопросы.

(в тексте эта цитата выделена отступами с обеих сторон)

Мастерс создавал полную картину, регистрируя каждый изгиб и поворот тела во время сексуальной реакции с точностью картографа. «Это было совершенное откровение – никто никогда прежде не проводил столь тщательной работы, – вспоминал Гебхард. – Они подтвердили то небольшое, что открыли мы сами в области кровяного давления, дыхания и, разумеется, реакции самих органов. Они просто были нашими просветителями». Под строжайшим секретом Мастерс упомянул о том, что они нанимали проституток и других платных волонтеров для изучения женского оргазма.

– Как вы сумели увидеть внутреннюю часть влагалища и матки во время занятий сексом? – поинтересовался Гебхард.

Мастерс признался, что они создали прибор для документирования женского оргазма на киноплёнке.

Билл и Джини привели Гебхарда в зеленую смотровую. Посреди этой бедно обставленной комнаты стоял шезлонг, панель с множеством электрических розеток и еще одна машина, которую Гебхард описал как «движимый мотором плексигласовый фаллос».

– Хотите увидеть его в действии? – спросил Мастерс.

Хотя этот вопрос застал Гебхарда врасплох, он не стал тянуть с ответом. Джонсон ненадолго вышла и спустя несколько минут вернулась с анонимной студенткой-старшекурсницей, на голову которой была надета наволочка.

Молодая женщина расположилась на мягком кожаном шезлонге, поставив ступни в «стремена», почти лежа на спине. Ее розовая обнаженная кожа была обвита многочисленными проводами, подсоединенными к громоздкому электроэнцефалографу, который гудел, урчал и попискивал. Крохотный телеэкран отслеживал выходящие паттерны электрических импульсов, исходящих из ее мозга. Маленькие сенсоры на груди регистрировали биение сердца, записывая его деятельность извилистыми линиями на белой бумаге, медленно выползавшей из электрокардиографа. Эти инструменты служили чем-то вроде сексуального полиграфа – детекторами истины в сфере, окруженной преувеличениями и ложью.

Мастерс велел Гебхарду сесть перед шезлонгом, если тот хочет наблюдать внутреннюю деятельность влагалища и шейки во время этого эксперимента. Гебхард оказался в 60 сантиметрах от разведенных ног женщины и мог смотреть в оптическую линзу устройства с длинным стержнем.

Молодая женщина взяла в руки «Улисса» – такую кличку дали цилиндрическому пластиковому устройству – и стала гладить им свои половые губы, вначале мягко, а затем решительно. Она следовала явно подготовленной программе действий, словно ее научили применять определенные методы специально для клинической аудитории. Через некоторое время она ощутила прилив крови и энергии, а ее вульва увлажнилась. Она чуть нажала на устройство, и оно проскользнуло внутрь почти без усилия.

Несколько минут все присутствующие, казалось, были захвачены танцем ее движений, следя за фрикциями «Улисса» во влагалище женщины и ведя хронику каждого импульса, который он вызывал. По мере того как напряжение росло и приближалась кульминация, тело женщины заблестело от пота. Но вместо того чтобы биться в экстазе, она оставалась сравнительно спокойной. Казалось, такие стимулированные занятия любовью были для нее чем-то вроде работы.

Несмотря на многолетние исследования в институте Кинси, Гебхарду казалось, что он впервые в своей жизни наблюдает секс. Глядя сквозь приспособление с линзой, Гебхард подтвердил для себя важное открытие Мастерса, которое опровергло долго бытовавшее медицинское представление о периоде, предшествующем оргазму. Мастерс и Джонсон показали, что вагинальная лубрикация во время соития просачивается сквозь стенки влагалища. Смазка формировала гладкое, поблескивающее покрытие, похожее на пот, выступающий на

лбу спортсмена. Как говорил Гебхард, «нужен был такой исследователь как Билл, потому что иным способом выяснить это было нельзя».

Закончив, молодая женщина надела халат, забрала деньги и вернулась к своей жизни в кампусе. Гебхард так и не узнал ее имени. Ее личные данные держались в строжайшем секрете. «Билл ничего не говорил – *он наблюдал*», – вспоминал Гебхард о торжественной демонстрации в тот день. Но как только эксперимент завершился, Мастерс расплылся в гордой улыбке изобретателя.

– Мужчины ненавидят эту машинку, – сообщил он, – потому что женщины доводят ее до такого темпа, который не может выдержать ни один мужчина!

Впоследствии Мастерсу пришлось защищать свое устройство. «Врачи вводят зеркала в желудок, чтобы изучать его, – замечал он. – Но стоит сделать то же самое с влагалищем, как люди кричат: «Как ты *смеешь*?!».

Со временем Гебхард все чаще вспоминал Вирджинию Джонсон. Поначалу он считал ее только помощницей, а не серьезной сотрудницей и новатором, которым она впоследствии стала. Однако с каждым очередным визитом он замечал, что роль Джонсон выросла. Сначала ее комментарии эхом повторяли слова Мастера, но вскоре она начала высказывать собственное мнение.

Но больше всего Гебхард был очарован их отношениями. Ужиная с ними, он замечал, как они договаривают друг за другом предложения, словно у них был один разум на двоих. Они казались неразделимыми, даже когда были врозь. Что происходило между ними? Это оставалось для Гебхарда загадкой.

Глава двенадцатая

Волонтеры

Джини Джонсон активно рекрутировала студенток, сотрудниц клиники и даже жен преподавателей, готовых делать то, на что проститутки согласились бы только за деньги. Она вербовала образованных женщин в возрасте от 20 до 30 с лишним лет для участия в секс-исследовании в обмен на символическую плату и обещание анонимности. Многие верили Джонсон, что они совершают культурный прорыв на пользу науке и всему женскому полу.

В первые дни Мастерс и Джонсон полагались на помощь нескольких женщин, которые также сотрудничали в независимых исследованиях в области контрацепции и рождаемости. Майк Фрайман, врач из клиники рождаемости, однажды присутствовал на тестировании пенки *Emko*, вагинального контрацептива, предназначенного для уничтожения сперматозоидов. Для предотвращения беременности женщине-волонтеру ввели пластиковый цервикальный колпачок. Мастерс был занят в операционной, и по окончании эксперимента Фраймана попросили удалить колпачок.

Когда Фрайман подошел к женщине, она сперва испуганно отшатнулась, но тут же сорвала с себя маску.

– Привет, Майк! – радостно воскликнула она.

Фрайман тоже узнал эту студентку-медсестру – когда-то он с ней встречался. Он принялся ее расспрашивать об участии в эксперименте. «Я не только получаю за это плату, но и помогаю всем женщинам», – гордо объяснила медсестра. В застойные 1950-е и в начале 1960-х годов призыв Джонсон к сексуальной свободе находил отклик у многих женщин.

Медсестра клиники и студент-медик были двумя волонтерами, которые регулярно занимались сексом, а Джини Джонсон проводила мониторинг. Она входила и снимала показания с медицинской аппаратуры тихо-тихо, чтобы не помешать паре.

Искренность Джини позволяла людям чувствовать себя комфортно. Она обладала способностью обсуждать интимные темы, которые ее собеседницы ни за что не затронули бы в смешанной компании. Ее обаяние придавало женщинам храбрость становиться волонтерами и заниматься откровенной сексуальной гимнастикой, которая требовалась в этом исследовании. Джонсон проводила для «новобранцев» экскурсии по лаборатории и знакомила их с приспособлениями, которые им предстояло вводить в самые чувствительные части своего тела. Она представляла их неведомым, скрытым масками партнерам – и женщины-добровольцы все равно не теряли решимости.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.